

о. А. ШАБАНОВ

СВЯТОЙ ПАТРИК
ЕПИСКОП И ПРОСВЕТИТЕЛЬ
ИРЛАНДИИ

Прот. А. Шабанов

**СВЯТОЙ ПАТРИК,
ЕПИСКОП И ПРОСВЕТИТЕЛЬ ИРЛАНДИИ**

**Тверь
2000**

К 2000-летию Рождества Христова

По благословию
Архиепископа Тверского и Кашинского Виктора

Художник Даниленко С.

© Шабанов А.Ю., 2000 г.

© Фонд возрождения
православной культуры
«Миссия», 2000 г.

ISBN 5-89643-005-1

Предисловие

Эта книга посвящена и рассказывает об удивительном святом ещё тогда неразделённой Христовой Церкви (V в.), просветителе и небесном покровителе Ирландии, св. Патрике, его времени, жизни и миссии. Давно замечено, что прошлое способно странным образом сближать или бесконечно далеко отдалять людей друг от друга, в нём сокрыты тысячи вопросов и не меньшее количество ответов. Когда речь идёт о прошлом Церкви, то наши православные интересы в большей степени сосредоточены на византийском христианстве и собственно русских событиях. На Запад мы смотрим редко, а если и делаем это, то взгляд наш критичен и суждения сдержанны. Мы хорошо знаем, что и как нас разделяет, и рискуем забыть о том, что нас связывало до XI века.

Свою задачу я видел не в том, чтобы описать малоизвестный русскому читателю период истории Западной церкви раннего Средневековья, но, собирая разрозненные, подчас противоречивые факты, стараясь верить документам и Преганию, учёным и поэтам, я попытался показать, как эти факты становятся причиной событий, и хотел выйти навстречу личностям и идеям тех лет. Строго говоря, эта небольшая работа не является агиографическим исследованием или историографической штудией, она не написана кельтологом, и её не отнести к классическому жанру церковных «житий». Это, скорее, осторожное обращение к Истории, такой, как мы её знаем, с желанием понять, какой она была на самом деле. То, как я оцениваю события и комментирую их последствия,

может вызвать различные нарекания, потому что мои духовные и эмоциональные предпочтения отданы в пользу кельтской, а не англо-саксонской и, тем более, не римской церкви. В этом причина спорности некоторых выводов и общей субъективности изложения.

У России и Ирландии разные судьбы, но их духовная история во многом схожа. С древности Ирландия называлась «Островом святых», и мы тоже часто вспоминаем о «Святой Руси». Ирландские монахи-миссионеры достигали дальних пределов Европы, и русские просветители несли Евангелие в Сибирь, на Аляску и Америку. Догматические споры эпохи Вселенских Соборов не раскололи Церковь св. Патрика; до сегодняшних дней Русская церковь подтверждает свою верность святоотеческой традиции. Надеюсь, что святые неразделённой Церкви, которых мы также умеем любить, помогут Западу и Востоку найти что-то духовно объединяющее или по крайней мере не разучиться разговаривать.

Я выражаю искреннюю благодарность давнему другу о. Сергию Козину, а также о. Стефану Красовицкому, Ю. Варзину и Е. Кузовой за помощь и поддержку.

Прот. А. Шабанов

*Я посылаюсь сегодня
Великой силой
Призыва Троицы Святой
Верую в триединство
И исповедую Творца.*

*Лорика (Наперстник)
Гимн св. Патрика*

Историю Русской церкви принято обычно предварять легендарным рассказом о св. апостоле Андрее Первозванном, который на «киевских высотах» воздвиг крест и пророчествовал о грядущей Славе Божией, что должна здесь воссиять. История Кельтской церкви Британских островов имеет не менее яркое вступление и состоит из двух ключевых повествований. В одном говорится о Всемирном Потопе, который уничтожил первых обитателей островов, кроме одного, не уступавшего Ною в благочестии и праведности. В послепотопные времена с Атлантики Ирландских берегов достигли потомки Иафета, но им пришлось вести постоянные войны с ужасными существами — форморианами. (В ирландской церковной традиции эти формориане, или фоморы, изображались в одном ряду с эльфами, лошадиноголовыми и прочими малоприятными существами как племя, ведущее свой род от потомков Каина или Хама.) Все люди, кроме одного воина, погибли. Сокрушить чудовищ удалось лишь немедийцам во времена Легендарной Второй Битвы Мойтуры, после чего начался золотой век... Второй рассказ гораздо более правдоподобен и широко известен благодаря множеству литературных версий. Согласно ему, св. апостол Филипп отправил в Британию св. Иосифа Аримафейского с Чашей Грааля, из которой на Тайной Вечере пили

Западный крест в Monasterboice. Ирландия, VII в.

Господь и апостолы. Св. Иосифа сопровождали двенадцать спутников, и кроме Грааля они привезли часть Тернового Венца с головы Спасителя. Тёрн дал отростки, их удалось посадить, и до сих пор в Гластонбери расцветает терновник страстей Христовых. Это предание впервые было записано Уильямом Малмсберийским (1080 – 1143 гг.) и положило начало средневековому циклу «поисков Св.Грааля». Таковы предания. Реальными же людьми, которых избрал Бог для Евангельского благовестия, были: в России — св. равноапостольный князь Владимир, а в Ирландии — св. Патрик.

В 389 г. в семье знатного британца Кальпурния родился мальчик. Его матерью была, согласно «Гимну св. Фиакка», близкая родственница св. Мартина Турского Концесса, женщина умная и религиозная. Кальпурний слыл человеком зажиточным, служил диаконом в местной церкви и при этом оставался декурионом, членом городского совета, то есть гражданским служащим. Деда мальчика звали Потит, он был христианским священником, что свидетельствует о необязательности целибата в ранней британской церкви. Родители назвали мальчика Succat, но это имя явно не римского происхождения. Оно соответствует современному валлийскому *hugad* — «воинственный», и можно предполагать, что, несмотря на римские имена отца и деда, семья была коренной британской. Они имели кельтские корни, хотя при этом латинизированные имена *Rotitus* и *Calpurnius* говорят о том, что христианство тесно отождествлялось с властью Рима, даже при крещении часто заимствовались имена римские. Мальчика в крещении нарекли латинизированным именем Магон (*Magonus* или *Imagonus*), но весь мир знает его как святого Патрика.

Мальчик родился в дни крушения Римской империи, в эпоху, когда борьба становится всеобъемлющей, а страдания повсеместными. Ему исполнится всего семь лет, когда из под пера Блаж. Иеронима появятся следующие строчки: «Содрагаюсь, думая о катастрофах нашего времени. В течение уже более 20 лет кровь римлян не прекращает проливаться ежедневно на всём пространстве от Константинополя до Юлиановых Альп (Север Адриатики), Римский мир рушится, и всё же мы поднимаем

голову вместо того, чтобы её опускать... Казалось, Восток был в безопасности, но в последний год волки бросились и на нас (в Вифлееме) с Кавказа (гунны). Это наши грехи делают варваров непобедимыми; из-за наших падений падают римские воины». В результате глубочайшего кризиса в 395 г. политический центр империи переместился на Восток, в Константинополь, а в 410 г. после трёх лет плотной осады Алларих взял Рим.

Место рождения Магона до сегодняшних дней остаётся предметом споров и различных версий. Некоторые исследователи предполагают, что дом Кальпурния и Концессы стоял где-то в долине р. Северен, недалеко от Бристольского канала, другие указывают на город Боннавема Табурниэ, находившийся около моря (нынешний Вентр). Джон Фостер, профессор церковной истории университета Глазго, в своей прекрасной книге «Они обратили ко Христу наших предков» сообщает: «В устье реки Солуэй располагалось римское поселение Банна, как раз у западного конца Стены Адриана, и некоторые источники предпочитают залив Солуэй (Solway) Клайду (Clyde), т.к. это показывает большую степень романизации страны». Действительно, если двигаться ниже по течению реки Клайд к Атлантическому побережью, то никак не миновать старинный город Килпатрик, расположенный перед скалой Дамбартон (Dumbar-ton), которая была в своё время крепостью бриттов и центром королевства Стратклайд (Strathclyde). Килпатрик также считается местом, где прошло детство будущего ирландского просветителя (подобного мнения придерживался и М.Э.Поснов (+1931)). Это всё не имеет принципиального значения, ясно одно — родиной Магона была Римская Британия и его родители коренные бритты или шотландцы (скотты).

Исследователи жизни св. Патрика имеют несколько документальных источников. Наиболее значимый из них — «Исповедь». Она написана на плохой латыни, и никто практически не сомневается в её подлинности. Цитаты из Ветхого Завета даны в ней на старолатинском, в то время как цитаты из Нового Завета приводятся в редакции Блаж. Иеронима. Это вполне естественно, если вспомнить, что Новый Завет, отредактированный Блаж. Иеронимом, распространялся начиная с 386 г.,

в то время как перевод Ветхого Завета был окончен только в 404 г. «Исповедь» заканчивается следующим образом: «Такое содержание свитка, написанного рукой св. Патрика». Эти слова принадлежат переписчику, который не оставил своего имени, т.к. был уверен, что перед ним труд самого Патрика. По жанру «Исповедь» автобиографическое повествование, не имеющее такого покаянного тона, как одноименная книга Блаж. Августина, но в ней множество благодарных и восторженных воспоминаний о любви и благодеяниях Божьих.

Кроме «Исповеди» до нас дошло «Письмо к Коротикусу». Здесь Патрик упрекает солдат короля Стратклайда по имени Коротикус или Керетик в том, что они вторглись в Ирландию и обратили в рабство братьев христиан. Из текста видно, что автор знает о миссии св. Ниниана среди пиктов, которая проходила почти на сто лет раньше этих событий, он называет франков «язычниками», что действительно соответствовало тогда положению вещей (король франков Хлодвиг и его дружина приняли крещение на Рождество в 496 г. в Реймсе). И в первом и во втором документе много цитат из Ветхого и Нового Заветов, и они оба датируются 450 г. Мы располагаем ещё двумя источниками VII в. Это «Тиречанова Летопись» со слов и по записям епископа Ултана, который умер в 657 г., и «Жизнеописание св. Патрика», составленное Муирчем. Оно посвящено епископу Аеду, скончавшемуся в 699 г. Самое ценное в этих книгах — описание маршрута св. Патрика при его миссионерском плавании в Ирландию.

Первые шестнадцать лет складывались у Магона вполне счастливо. Волны европейских войн до Британских островов не докатывались. Под тихим солнцем Северо-Запада дни текли легко и были наполнены обычными для детства радостями и занятиями. Леса, холмы, реки, озёра — всё это становилось местом встречи с Миром Творения. Ничего не подозревая о законах астрофизики, провожая закат дня или проснувшись на восходе, маленький человек способен восхититься увиденным, ещё не отдавая себе отчёта в раннем эстетическом переживании — наиболее верном свидетельстве нашей сопричастности и неподчинённости миру одновременно. По прошествии

многих лет детские впечатления воскреснут в «Оленьем крике», возможно, самом великом гимне кельтского христианства, чьё авторство приписывают св. Патрику:

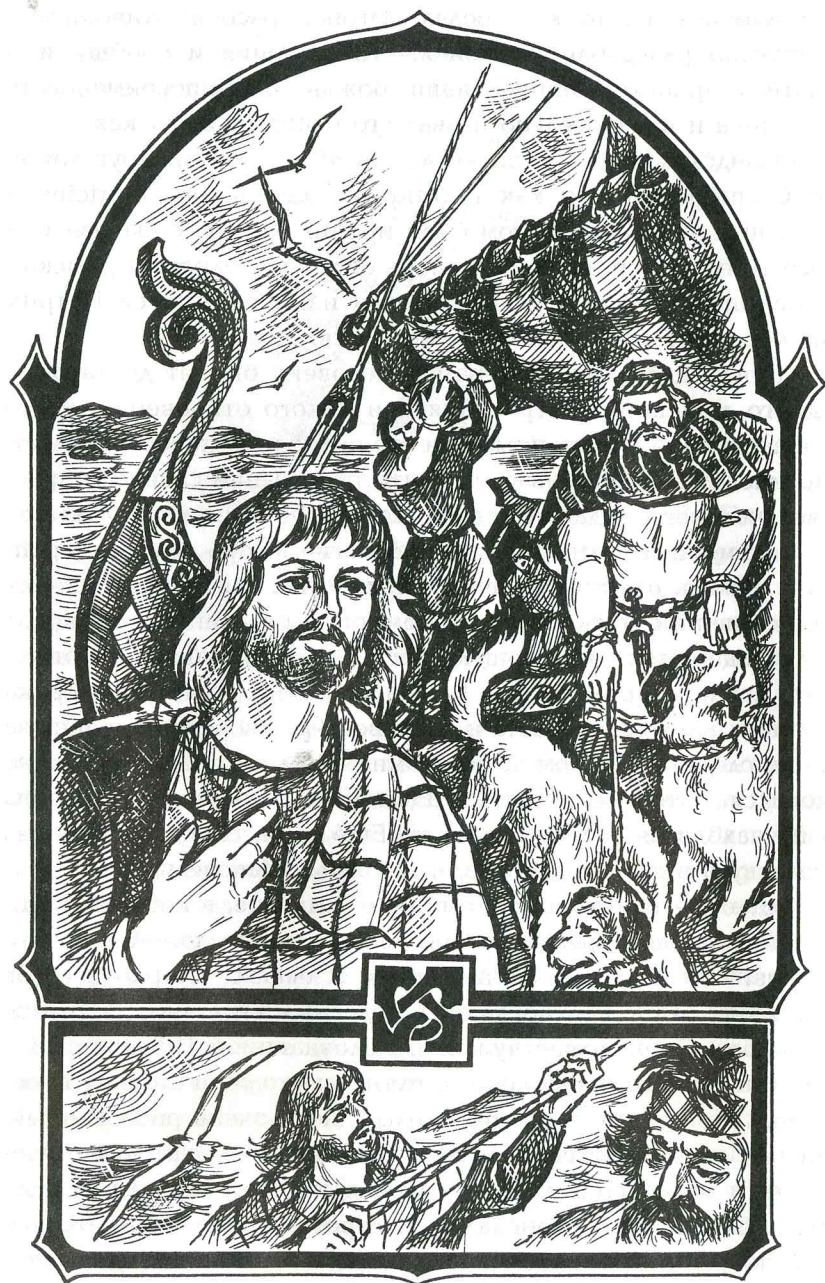
Я восстаю сегодня
Силою небес;
Солнечным светом,
Лунным сияньем.
Блеском огня,
Дыханием ветра,
Моря глубинами,
Твердью земли,
Крепостью скал.

У Магона было две сестры и всех детей учили дома на вилле Кальпурния. Преподавалась латынь, история, Св. Писание. Но (нередкий случай для семьи духовного сословия) религиозность старших мало повлияла на юношу. По собственному признанию, к шестнадцати годам искренне верующим христианином он не стал. В 405 г. на виллу напали разбойники. Об этом печальном происшествии в «Исповеди» сказано: «Мы заслуженно все претерпели, потому что забыли Бога и не исполняли заповедей Его; не желали слушать наших пастырей, учивших о спасении, и Господь разгневался на нас и предал рассеянию среди народов земли до самого края». Разграбив дом, они захватили Магона, сестёр, слуг, соседей и уплыли с добычей в Ирландию. Скорее всего, ими были шотландские или ирландские пираты, промышлявшие работоторговлей. Впрочем, есть мнение, что похитителями оказались не пираты, а семь изгнанных сыновей некоего британского вождя-язычника. В любом случае, это событие произошло в те годы, когда полководец императора Гонория Стилихон, долгое время сдерживавший натиск вестготов на Италию, не располагая больше военными резервами, приказал отозвать из Британии римские легионы и страна осталась практически без армии. Пираты привезли пленников в северо-восточное королевство Dalaradis, вероятно, находившееся в графстве Antrim, в дом вождя Милчу (Milchu). Иногда называют местечко Майо. Можно не

сомневаться, что те, кто продал Магона, красочно живописали богатство разграбленной виллы Кильпурния и сообщили о знатном происхождении юноши. Вождь решил переименовать пленника и презрительно назвал его Cothrige, а так как в староирландском наречии звуки «С» и «Р» заменяли друг друга, то Cothrige звучало как Pothrige от латинского Patricius — «знатный человек». В этом была ирония Милчу, обрадовавшегося тому, что среди рабов теперь есть аристократ из римской провинции. Это имя с некоторыми изменениями св. Патрик пронёс через годы рабства и через всю жизнь.

Иногда для важных перемен человеку бывает достаточно одного душевного потрясения или яркого откровения, и это происшествие в считанные дни его полностью переворачивает. Но иногда Бог устраивает так, что потрясение словно отправляет человека в дальнейшее духовное странствие, наполненное страданиями и размышлениями. Многие в горе начинают роптать, искать ответов логичных и простых для объяснения их переживаний и скорбей. И немногих страдания обращают к любящему и сострадающему Господу, тогда они начинают искать Его и говорить с Ним. Шесть лет плена стали для Патрика временем духовного роста и молитвенного творчества: «День за днём, следуя за стадом, которое мне велели пасти, я постоянно молился... Сто молитв днём и почти столько же ночью — где бы я ни находился, в лесу и в горах. Ещё до рассвета я вставал на молитву и в снег, и в мороз, и в дождь» (Исповедь).

Однажды ночью во сне ему было видение, в котором таинственный голос предрек скорое возвращение домой. По прошествии нескольких дней Патрик услышал: «Корабль готов для тебя». И он, вдохновленный чудесным видением, решает на побег. Один в ещё чужой и малознакомой Ирландии, без денег и заранее продуманного пути, он уходит в сторону побережья. Поступок не просто смелый, но и очень рискованный. Беглых рабов в языческой Ирландии карали смертью или тюремным заключением. Патрик бежал, но не отчаяние торопило его — Сам Господь прокладывал дорогу. Двести миль беглый раб покрывает, прежде чем выйти к порту и найти уже готовый к отплытию корабль. На палубу его не пустили. Капитан

подозрительно осмотрел запялённого человека, который не имел денег, но был готов трудиться на судне кем угодно, лишь бы уплыть из Ирландии. Патрик, как и во все эти дни странствия, не перестал молиться, и Господь услышал его молитвы. Нестоворчивый капитан неожиданно изменил своё решение, и корабль отплыл в открытое море уже со св. Патриком на борту.

Спутники по путешествию христианами не являлись, и св. Патрик сторонился тесного общения: «Я не хотел, — вспоминал он, — слишком зависеть от них, жить за их счет, т.к. они были язычниками». Следовательно, двадцатитрехлетний он уже ощущал себя сложившимся христианином. Через три дня судно благополучно пристало к пустынным берегам Галлии. Что на нем было, так и остается загадкой. Кое-кто из исследователей жизни св. Патрика считает, что необычным грузом были специально разводимые ирландские волкодавы, которых высоко ценили в Риме как охотников и бойцов для зрелищ. Волкодавов следовало бы доставить в Италию, и поэтому моряки, пристав к гальским берегам, решили до нужного места отправиться с собаками пешком. Это путешествие было небезопасным предприятием. В 409 г. Блаж. Иероним пишет еще более тревожно: «В то время как я рассуждаю о корабельном грузе, сам корабль тонет. «Удерживающий взят от среды» (2 Фес 2, 7)... Антихрист близко... дикие орды в неисчислимом количестве наполнили всю Галлию. От Альп до Пиренеев, от Рейна до Атлантики земля опустошена... Тот, кто избежал смерти от варварского меча, погибает от голода... Я не могу говорить об этом без слез». В опасном мире жил св. Патрик, в опасном мире мы живем и сейчас. Боль разлуки, вечная борьба за то, что достойно называться счастьем, заставляют нас страдать, хотя меньше всего мы бы хотели выбирать страдание. Только вера спасает в такие дни. Настоящая жизнь начинается чаще всего с боли. Тогда человек начинает говорить с Богом не для того, чтобы что-то получить, но для того, чтобы измениться самому. Опустошённая разбойниками Галлия чуть было не довела путников до голодной смерти. Капитан обратился к юноше: «Послушай, христианин, ты говорил, что твой Бог Великий и Всесильный, отчего же Он не слышит твоих молитв. Мы погибам

от голода и, может быть, никогда уже не увидим людей». «Я же,— вспоминает св. Патрик, — ответил ему: «Обратитесь искренним сердцем к моему Господу, и сегодня же Он сможет послать вам пищу, ибо нет для него ничего невозможного». Патрик, уже не единожды убеждённый в силе молитвы, не оставляет ее. По прошествии нескольких дней уже ослабевшим людям удалось напасть на стадо диких свиней. «Мы хорошо подкрепились, — пишет Патрик. — Даже собаки моряков наелись. Многих из них пришлось оставить «едва живыми» (Лук. 10, 30), — так они были истощены» (Исповедь). Кто эти «многие», люди или собаки? Предположение о волкодавах наводит на мысль, что «многие» — собаки, но стал бы Патрик из-за собак вспоминать евангельское высказывание «едва живыми». Оно взято из притчи о добром Самарянине, и, скорее всего, именно «едва живые» люди напомнили этот рассказ Христа. Так или иначе, наступил день и Патрик расстался с моряками. В «Исповеди» он говорит о двух месяцах странствий по Галлии и там же вспоминает, что в Британию вернулся не сразу, а через несколько лет. Это были годы (считают, что семь лет) поиска. Однажды галльские разбойники захватили юношу в плен. Но в первую же ночь св. Патрик услышал всё тот же ободряющий голос: «Не бойся, два месяца тебе предстоит жить среди этих людей, но после ты будешь свободен». Так и произошло. Через шестьдесят дней его отпустили.

Не счастливые земли и спокойные города привлекли Патрика, но духовный мир, который уже открылся ему. Глазами разума Патрик начинает постигать то, во что он поверил сердцем. Недалеко от галльского побережья на острове Лерин в 410 г. был основан монастырь. Это произошло как раз в год падения Рима и вполне вероятно, что немало людей, спасаясь от разлетающихся обломков великой империи, искали приют в местах уединённых. «Весь мир рушится за грехи наши, — писал в 413 г. Блаж. Иероним, — которые растут и множатся. Великий город, столица империи, превращен в один гигантский костёр. И нет такой части земли, где не было бы беженцев из Рима». Монастырь на Лерине основал язычник знатного происхождения по имени Гонорат. Обратившись в христианство,

он увлекся аскетическими поисками и нашёл уединение на тогда диком, пустынном и кишасщем ядовитыми змеями острове. К Гонорату присоединились ученики. По-видимому, они приняли строгий устав монастырской жизни восточного образца, но особое внимание, как и все кельтские монастыри, уделяли миссионерству. Лерин со временем стал духовной школой для многих известных святителей и церковных писателей. Вспомним только об одном св. Викентии Леринском (+ 450), который мог быть учителем св. Патрика. Св. Викентий почитаем как Западной, так и Восточной Церковью. После Эфесского Собора (434 г.) он написал очень значимый для догматического богословия трактат, в котором утвердил важную мысль: неизменность догматов вполне совместима с их развитием. Ему принадлежит знаменитая фраза: «Во Вселенской Церкви нужно держаться того, во что верили повсюду, во что верили всегда, во что верили все».

Остров Лерин находится в 5 км от нынешних Канн. И.А. Бриллиантов в своей книге «Влияние восточного богословия на западное в произведениях Иоанна Скота Эригены» пишет: «Эригена — представитель ирландских школ, в которых сохранялись традиции школы Леринского монастыря, насажденные в них ещё св. Патриком, просветителем Ирландии». Кроме святителя Викентия на Лерине мог в это время жить и, как предполагает монах Вениамин из Троицкого монастыря (Джорданвилль, США), игуменствовать преп. Иоанн Кассиан Римлянин (память 29 февраля). Наряду с Мартином Турским св. Иоанн считается одним из основателей галльского монашества. Родившись в Скифии, он в зрелом возрасте принял христианство, и более десяти лет странствий по восточным обителям и скитам Египта определили всё дальнейшее течение его жизни. Преподобный после 405 г. поселился в Галлии, где написал свои знаменитые двенадцать книг: «О постановлениях киновий палестинских и египетских». Его же перу принадлежат двадцать четыре «Собеседования со знаменитыми египетскими аввами», книга «О воплощении Христа» (против Несстория). Подобно Блаж. Августину и Блаж. Иерониму, Иоанн Кассиан Римлянин в равной степени принадлежит Западной

и Восточной Церкви. Возможно, монастырь на Лерине был не один. Монашеских общин в этой части Западной Церкви становилось всё больше, и среди их обитателей встречалось много образованных христиан. В подтверждение следует привести обширную цитату из книги «Видение св. Адамнайна» (изданной Ч. Босуэллом), которая датируется X веком и на которую ссылается Р. Грейвс в «Белой богине»: «Если христианская Церковь тевтонской Англии существовала в основном за счёт миссионерской деятельности Рима, более старые кельтские Церкви и, конечно же, Церковь Ирландии были куда сильнее связаны с Галлией и Востоком. Именно Галлии в первую очередь Ирландия обязана своим обращением, и связь между двумя странами оставалась тесной и неразрывной... Не только Лерин, но также Марсель, Лион и другие города Южной Галлии постоянно сообщались с Египтом и Сирией, отчего совершенно естественно во многих галльских Церквях, несмотря на постепенное подчинение их Риму, начиная с 244 г. чувствовалось влияние Востока. По-видимому, тесное общение ирландских и галльских священников и теологов привело ирландцев к знакомству с египетскими и сирийскими собратьями, а также с идеями служениями, которые превалировали в этих Церквях.

Сношения Ирландии с Востоком не зависели от галльского посредничества. Ирландские паломники ходили в Египет вплоть до конца восьмого столетия... Из документальных свидетельств, сохранившихся до сих пор, ясно, что даже ирландцы, никогда не покидавшие острова, были знакомы с Востоком. «Saltair na Rann» содержит ирландскую версию Книги Адама и Евы, написанной в Египте в пятом или шестом веке и неизвестной нигде, кроме Ирландии. «De hocis Sanctis» Адамнайна имеет описание монастыря на горе Фавор, которое вполне можно принять за описание ирландского монастыря его времени. В самом деле, вся система затворнической и монашеской жизни в Ирландии очень похожа на ту, что существовала в Египте и Сирии».

Первое обучение основам веры можно связывать с этими годами, но, к сожалению, мы совсем мало о них знаем. Пришло время вернуться на родину. «И вот, — пишет Патрик, — через

несколько лет я снова оказался в Британии, у своих родителей, которые радостно приняли своего сына и умоляли меня, чтобы после всего того, что со мною случилось, я бы никуда и никогда не уезжал от них». Жизнь, казалось, наконец-то приняла некоторую размеренность и то, что мы все ищем: покой, достаток и постоянство стали наполнять её, впрочем, на совсем непродолжительное время. Небо вновь оказалось гораздо ближе и требовательней. Патрик получает откровения свыше.

«Видел я в ночных видениях (Дан. 7, 13) человека, пришедшего как будто из Ирландии. Его имя (Виктор) Викторикуси, он привез множество писем из Ирландии. И стал я читать письмо, которое начиналось словами: «Голос Ирландцев». И как только я прочел эти слова, то тут же услышал как бы голоса тех, кто живет за Фоклутским лесом у Западного моря. Они хором кричали: «Мы умоляем тебя, вернись к нам и живи среди нас снова». И «сердце мое было сокрушено» (Пс. 108, 17), и я не мог более читать. И тут я проснулся. Благодарение Богу, что после стольких лет Господь откликнулся на их призыв. Другой ночью «в теле ли — не знаю, вне ли тела — не знаю: Бог знает» (2 Кор. 12, 2), я слышал слова высочайшей Премудрости и блаженства, но я не мог понять их за исключением последних слов: «Тот, кто полагает жизнь Свою за овец (Ин. 10, 11), Тот говорит с тобой». И я проснулся исполненный радости».

Решение вернуться в Ирландию выглядит как довольно рискованное. Миссионерское служение вообще всегда связано с лишениями частного порядка, оно сопровождается различными опасностями, и, чтобы начать его в той стране, где ты был рабом, изгоем, необходимо большое мужество. Св. Патрик принадлежал к тому роду людей, для которых бездействие равносильно умиранию, и трудности жизни, обычным человеком воспринимаемые как малоприятные испытания, для него имели свой духовный смысл. Он был готов и решил следовать путями Божественного Промысла навстречу тому, что впоследствии назовут «зелёным мученичеством».

До начала миссии св. Патрика этих берегов уже достигали проповедники из Испании и Британии. Доктор Джойс в «Общественной Истории древней Ирландии» предполагал,

что после 132 г. (гонение Адриана) многие александрийские христиане бежали от суровых преследований из Египта на «Зеленый остров». Среди тех проповедников, кто приплыл с континента, были довольно известные Секундий, Ауксильий, Деклан и Тигернах. Современник св. Патрика и всех этих событий Проспер Аквитанский сообщает о существовании христианских общин на юге в землях племён Корку Лоэгде, Осрайге и Десси. К 400 г. ирландское побережье уже частично было просвещено Благой Вестью. Кроме того, мы помним о древних торговых путях, которые связывали Ирландию через Испанию, Францию с восточным Средиземноморьем, Египтом, и по ним до ирландских кельтов вполне естественным образом могли доходить рассказы о Христе, Его святых и о возникшем сирийском отшельничестве. Для кельтов православное восточное представление о служении Богу в пустыне было более привлекательно своей духовной красотой и аскезой, чем римская идея строгой церковной иерархии. Именно святоотеческие представления Востока о путях совершенствования и спасения человека стали частью души Кельтской церкви, с этой традицией был знаком и св. Патрик. Теперь, приняв решение, он вновь отправляется на континент для продолжения образования. Любовь к мудрости, тщательное собирание и хранение знаний со временем станет отличительной особенностью ирландского христианства. В «Исповеди» есть искреннее признание: «Я не таков, как те, которые изучали гражданские законы и Св. Писание и которым с детства пришлось жить среди чужих и говорить на чужом языке...Теперь, когда я состарился, я пытаюсь достигнуть того, чего не приобрел в молодости». Один из исследователей «Исповеди» и «Письма к Коротикусу» подсчитал, что на 27 страницах, получающихся, если эти рукописи объединить, окажется по 28 строк в каждой. Библия там цитируется 189 раз, т.е. 7 раз на странице и в среднем по 1 разу в каждой четвёртой строке. Послания апостольские — 79 раз, Евангелия — 29, Деяния — 21, Псалтирь — 21, Пророческие книги — 17, и 22 выдержки из других частей Св. Писания. Патрик был человеком одной книги и свои мысли излагал библейским языком. Итак, мы не очень определенно знаем,

куда отправился Патрик (Муирча говорит о Риме), но совершенно точно, что решающим моментом в судьбе святого становится его прибытие в Осерр, галльский город, где он встретился со святителем Германом.

Участие св. Германа в судьбе будущего апостола Ирландии сомнений у историков не вызывает, а личность этого человека настолько необычна, что стоит рассказать об одном из виднейших святых римской Галлии хотя бы немного. Предание нам сообщает, что до епископской хиротонии в 418 г. св. Герман занимал высокое общественное, возможно административное, положение в этой части империи, был прекрасным военным, образованным человеком и к тому же страстным охотником. Охота, казалось, заменяла для него всё, что ценит большинство людей. Он скакал на лошади по галльским лесам в поисках добычи и, убив зверя, отрубал ему голову для того, чтобы, приторочив её к седлу, вернуться в Осерр. Там он отправлялся на городскую площадь к большой груше, росшей посередине и водружал свой очередной трофей на одну из веток дерева. Святой Амата, тогдашний Осеррский епископ, увидел в этом воинском ритуале языческое поклонение, и однажды по его приказу дерево срубили. Далее история становится довольно загадочной. Разгневанный охотник распорядился наказать св. Амата за самоуправство. С карой замешкались, а святому в это время было видение, в котором Господь указал на охотника как на преемника епископской кафедры в Осерре. Сановного гнева св. Амата не только избежал, но чуть позднее сумел хитростью постричь охотника в монахи с именем Герман, которого народ после кончины святого избрал (тогда это ещё делали) в архипастыри Осерра. Много чудес было явлено через св. Германа, но одно из них, как раз связанное с миссионерской деятельностью в Британии, особенно впечатляет.

Приблизительно в 429 г. с Севера в британские земли вторгаются пиктские племена, со стороны Северного моря свои набеги проводят саксы, и растерявшиеся бритты начинают искать поддержку у св. Германа. Совсем ещё недавно они были язычниками, но проповедь Осеррского епископа и его спутника епископа г. Труа, Лупа обратила их ко Христу. В Страстную

Субботу бритты во множестве крестились. Св. Герман не только словом, но и делом решил помочь малочисленному христианскому войску. Он становится во главе их армии. Недалеко от Моулда (графство Флинтшир) бритты укрылись в узкой долине, окруженной с обеих сторон скалами. Когда враги приблизились, епископы не мешкая поднялись во весь рост с крестами в руках и громко провозгласили пасхальное «Аллилуя». Возглас был дружно подхвачен солдатами. Умноженный горным эхом «Аллилуя» прогремел настолько сильно, что пришедшие в ужас язычники бежали, даже не вступив в битву. Место этой «Победы Аллилуя» по-кельтски называется Маес-Гармен, т.е. «Германово поле».

Встреча св. Патрика с Осеррским святителем имела большое значение. Далее, по завершении учёбы в Гауле, св. Патрика рукоположили в диаконский сан. Муирча думает, что св. Патрик уже был священником, когда св. Герман отправил его в Ирландию, но, скорее всего, это случилось только в 430 г. В то лето св. Германа самого послали в Британию для полемики с пелагианством, и св. Патрик был среди сопровождавших святителя-миссионера. Распространившаяся в Британии ересь Пелагия, в свою очередь, очень тревожила Рим, и папа Целестин для помощи св. Герману решил отправить учёного диакона Палладия, британца по происхождению.

Когда Миссия активно работала в Британии, св. Герман узнал о небольших и разрозненных христианских общинах Ирландии, а узнав, пришёл к мысли о необходимости отправки на Эйре (древнее название Ирландии) образованного человека, лучше кельта, уже в епископском сане. Св. Патрик к этому делу был вполне готов, но, как сказано в «Исповеди»: «Многие были против того, чтобы послать меня. За спиною они говорили: «Зачем такому, как он, подвергать свою жизнь опасности со стороны врагов, не знающих Бога?» Так говорили они не из жалости, а оттого, что считали меня малообразованным для такого дела». Неясной выглядит позиция св. Германа. Хотя св. Патрик и упоминает «дражайшего друга», который занял его сторону, определенно утверждать, что речь идёт о св. Германе не следует. Первым в Ирландию уплыл Палладий. Миссия его

была краткой и не очень успешной. В Осерре об этом узнали старшие священники и сам св. Герман. И теперь они решают отправить «отвергнутого» Патрика вместе с опытным священником Сегетиусом в помощь Палладию. Последний, считает Муирча, заболев, в тяжёлом состоянии вернулся в Британию. Шестнадцать миль успели пройти Патрик и Сегетиус, прежде чем встретили двух монахов из Миссии Палладиуса. Те спешили в Осерр с грустным известием о смерти своего архипастыря. Теперь всё было решено и никто не сомневался в том, что именно Патрика выбрал Господь для Ирландии. В 432 г. в Галлии сорокатрехлетнего Патрика рукополагают в епископы, и он с небольшими пожитками, но с большой поспешностью через Британию «при попутном ветре пересек Ирландское море». Вспоминая отплытие на «Зелёный остров», св. Патрик пишет: «Разве я отправился бы в Ирландию по собственному желанию, без указания Божия? Кто мог меня там удержать? Только по влечению Духа (Деян. 20, 22) я покинул места, где провел свое детство. Неужели вы думаете, что силами собственной души я возымел бы сострадание к народу, который когда-то захватил меня в плен и перебил слуг и служанок в доме моего отца? Я родился свободным по плоти. Мой отец был декурионом. Но я без сожаления и раскаяния вменил ни во что своё благородное происхождение, чтобы служить другим. Итак, во Христе я раб другого народа ради невыразимой славы «жизни вечной во Христе Иисусе Господе нашем» (Рим. 6, 23). И если в своём отечестве я не известен, то это потому, что «пророк не имеет чести в своём отечестве» (Ин. 4, 44)». Как невольник он прежде видел эту землю, и она помнила раба и пастуха чужих стад, но как раба Бога Вышнего и пастыря «овец духовных» ей ещё предстояло узнать его. А Патрику, испытавшему здесь печальные узы, труд и одиночество, суждено было полюбить эту землю, найти новое небо и новую Родину.

К началу миссии Ирландия вступила в новый продолжительный этап межплеменных войн и пересмотра границ. Две наиболее крупные ирландские династии втянули в свои распри множество более мелких королевских домов с армиями, богатством и личными интересами. В результате локальных

сражений север и центр страны попали под власть потомков короля Ниалла Девяти Заложников, а на юге укрепились и правили из Кэшеля короли рода Эоганнактонов. Страна традиционно делилась на несколько частей (туатов), принадлежавших различным семьям. Королевская власть считалась священной, и в городе Тара находилась резиденция верховного короля, который, не располагая, впрочем, абсолютной властью, имел некое право чести, а его столица воспринималась ирландцами как важный сакральный центр страны. Археологических свидетельств о периоде, непосредственно предшествующем христианизации, крайне мало, но вполне вероятно, что к этим годам холмистые форты железного века уже исчезли. Место совета в Таре (Rath of the Synooly at Tara) представляло собой круглый Форт с тройным валом и было огорожено частоколом. Дома строили из дерева.

Согласно преданию, св. Патрик высадился в устье реки Vartut в Wicklow, где ему был оказан очень враждебный приём. Местные жители забросали его и спутников градом камней. Пришлось возвратиться на корабль, плыть до устья Боино и причаливать к маленькому острову, который с VII в. стал известен как Insula Patricii, а сейчас называется Innespatrick.

Продолжив своё путешествие, св. Патрик переплыл Strangford hough к устью реки Slaney (Ольстер) и там обратил ко Христу местного вождя Дику. Тот отдал св. Патрику большой амбар для переустройства в храм. Кельтское слово амбар «sabhal» преобразовалось со временем в Saul (церковь), которая и до наших дней существует. Затем он повёл свой отряд к землям короля Мулчи, своего бывшего хозяина. Испугавшись, что прежний раб пришёл мстить за долгие годы плена и унижений, король держал совет с друидами, и те предсказали победу св. Патрика. В смятении король предал огню весь дом и сам погиб в пламени.

Спустя много лет, уже обдумывая итоги всех своих дел, Патрик с удивлением скажет: «Как же это случилось, что в Ирландии, где никто никогда Бога не знал, но все до недавнего времени почитали идолов и всякую мерзость, а теперь те же люди стали «народом, приготовленным Господу» (Лук. 1, 17)

и называются детьми Божьими? Сыны скоттов и дочери их правителей теперь становятся монахами и невестами Христовыми». Отдадим должное миссионерской ревности св. Патрика. Он оказался среди язычников и его христианская полемичность вполне понятна. Более того, в «Исповеди» можно найти слова Патрика о том, что, проповедуя Христа, он был ежечасно готов к мученичеству. «Я одаривал королей, их сыновья путешествовали со мною, ничего не платя. Но люди этих властителей угрожали нам, и однажды замыслили убийство. Они заковали меня в железо, отобрали всё имущество, но через четырнадцать дней Господь освободил нас и всё вернул с помощью наших друзей». Угроза для жизни христианского миссионера исходила от властей и прежней религии. Понятно тогда, почему столь значительное место в жизнеописании св. Патрика занимают рассказы о его взаимоотношениях с друидами. Вся история того, что мы понимаем под Кельтской церковью, неотделима от этого вопроса, который требует некоторых объяснений.

Далеко в лесах, укрывшись под сводами сумрачных пещер, на берегах глухих озёр и рек, добраться до которых только и можно было что тайными тропами, жила древняя кельтская религия, её жрецы-друиды совершали своё служение и справедливо считались духовной элитой, аристократами кельтской цивилизации. Эта таинственная традиция, с большим трудом поддающаяся реконструкции, придавала кельтской культуре особый блеск, не исчезнувший и сейчас для многих романтиков, поэтов и музыкантов. Прямых свидетельств о древней религии практически не существует. Косвенных источников немало: от Юлия Цезаря, 10 лет провоевавшего с кельтами в Галлии (48 — 58 гг. до н.э.), до Диодора Сицилийского и Страбона. Цезарь сообщал, что галльские кельты провозгласили себя потомками Диса, то есть бога мертвых, похожего на Диса в римском пантеоне богов, и поклонялись божествам, напоминающим Минерву, Аполлона, Марса, Юпитера и Меркурия. За четыреста лет до «Галльских войн» Цезаря другой искатель славы и богатств, Александр Македонский, не желая вдаваться в детали религиозных взглядов, когда на берегах Дуная встретил кельта

Птолемея сына Лага, поинтересовался только одним: «Чего вы, кельты, — спросил Александр, — боитесь?» — «Мы боимся, что небо опустится на наши головы», — ответил Птолемей.

Эти слова были формой клятвы. Через тысячу лет их проносили в ирландском суде. «Мы будем хранить веру, пока небо не опустится на нас, пока не разверзнется земля и не поглотит нас», — так говорили уже кельты-христиане. Юлий Цезарь и Лукан считали, что своё учение друиды не записывали, считая общедоступность в отношении сакральных знаний делом невозможным. Античные источники о религиозных представлениях кельтов ничего толком не сообщают, кроме слов удивления, вызванных тем, что кельты верили в бессмертие души. Валерий Максим (I век н.э.) писал следующее: «Рассказывают, что они одалживают друг у друга суммы, которые будут выплачены в другом мире, настолько они убеждены, что души людей бессмертны. Я бы назвал их безумными, если бы эти одетые в штаны варвары не верили в то же самое, во что верил грек Пифагор». Здесь Валерий Максим заблуждался. Пифагор верил в переселение душ (метемпсихоз), кельты же были убеждены, что где-то далеко, за краем моря, на благословенных островах жизнь счастливо продолжается и ей не будет конца. Смерть для кельта, по словам Лукана, «средина долгой жизни». Очевидно, после обращения кельтских племён в христианство эта романтическая идея проросла в предании о таинственном Авалоне, острове, на котором спит смертельно раненный король Артур. Артур не просто героическая личность. Он на протяжении Средневековья был для вымирающих кельтских народов Британии символом возрождения и единственным защитником от англо-саксонских, а потом и нормандских завоеваний. Однажды его покой закончится и он вернется в Англию как властелин и слуга Божий. К блаженным землям отправлялся в плавание и св. Брендан.

Я знаю, есть остров за морем, волшебный затерянный брег,
Где время не выследит нас и Печаль не отыщет вовек.

У. Йейтс. «Белые Птицы»

Один из ранних отцов Церкви Климент Александрийский в «Строматах» отмечал: «... философия, наука весьма полезная, процветала в древности среди варваров, излучая свой свет на народы, и позже она пришла к элинам. Первыми в её рядах были пророки египтян и халдеи ассирийцев, друиды галатов и симанеи бактрийцев, философы кельтов и маги персов». Идея о том, что кельты исповедывали монотеизм, ставшая популярной особенно в XIX веке, восходит к работам Оригена (185 – 254), сменившего св. Климента в Александрийской школе. Комментируя книгу пророка Иезекииля, он сообщал, что британские друиды «поклонялись одному Богу... вплоть до прихода Иисуса». Кельты, продолжает он, «давно были подготовлены к христианству учением друидов... которое включало идею единобожия. Хотя Евсевий в «Церковной истории» (VI, 33) приводит и другое высказывание Оригена. Оно также взято из толкования на книгу Иезекииля и звучит в контексте идеи о том, что пророчество Ветхого Завета исполнилось в виде вселенского распространения христианства и только в нём одном. Ориген пишет: «Когда ещё до Пришествия Христова Британия имела веру во единого Бога? Или когда до Пришествия Христа её обрели майорийцы в Африке? Или весь мир? А теперь на краю Света мы видим христианские Церкви и вся земля ликует, мы приветствуем Бога Израилева».

Современные исследователи друидизма насчитывают 374 имени кельтских богов и богинь на тех территориях Европы, где когда-либо проживали кельты. Из них 305 встречаются лишь однажды и принадлежат местным божествам (тевтаты). Скорее всего, кельты не смотрели на своих богов как на создателей, а видели в них героических предков, но идея Творения у них, тем не менее, присутствует: в древнеирландском языке встречается выражение «Исин Хэтнэ Туистэ» — «при первом сотворении». Возможно, об этом знал Ориген.

Кельтская религия, кельтское знание до сегодняшних дней остаётся для многих историков предметом поисков и увлекательных гипотез. Дион Хризостом (100 г. н.э.) о друидах пишет так: «Без них не было позволено царям ни делать что-нибудь, ни принять какие-нибудь решения, так что в действительности

они управляли, цари же, сидевшие на золотых тронах и роскошно пировавшие в больших дворцах, становились помощниками и исполнителями их воли». Друиды при этом не составляли замкнутую жреческую касту с родовой преемственностью. Их освободили от воинской службы. Сословие пополнялось из числа «воинов-всадников». Как правило, принимались дети из аристократических семей. В литературе описан один любопытный случай с друидом, произошедший в Таре. Однажды проходили выборы нового короля. Верховный друид должен был съесть принесённого в жертву быка, а после подтвердить правильность сделанного выбора и предсказать грядущие события. Так всё и случилось. Друид разделался с жертвенным мясом и погрузился в глубокий продолжительный сон, который называли «бычьим сном», очень напоминающий состояние транса. Придя в себя, друид подтвердил выбор и предсказал всё, что от него ожидали.

К началу римских завоеваний Галлии влияние друидов было огромным. Его ослабление можно, особенно на Арморике и в Британии, связывать с активной романизацией этих кельтских земель. Друиды боролись с римлянами, участвовали в восстаниях и имели высокий политический авторитет. Конечно, Риму было выгодно нанести поражение именно в голову, в духовный центр кельтского народа. К IV в. только в Ирландии друиды сохранили крепкие позиции, у них появились своеобразные преемники, *fili* (*filed*) филиды-поэты, будущие основатели христианских средневековых школ. Правда Р. Грейвс считал, что филид — это прежде всего провидец, который по-валлийски звучит *derwydd* — дубовый провидец, от чего и происходит собственно слово «друид». Убийство филида считалось не просто преступлением, но для убийцы поступком крайне опасным, так как и мёртвый филид мог отомстить преступнику. В Ирландии свои загадочные ритуалы друиды совершали в священных рощах, около почитаемых источников, но особую роль играл «Священный центр страны» — холм Уснех — место религиозных праздников и торжеств. Спорным остаётся вопрос о человеческих жертвоприношениях. Внутри кельтского мира жрецы-друиды были объединены в строго иерархическую

организацию, надклановый религиозный орден, который реально обладал политической и духовной властью. Св. Патрик практически свободно обошёл север страны и отправился в центральные королевства. Многие вожди весьма благосклонно относились к его миссии и даже давали землю для строительства храмов. Верховным правителем Ирландии тогда был потомок Ниалла король Лоэгайре. С ним и его друидами связано множество удивительных историй.

За две тысячи лет мы привыкли к чудесам и даже не обращаем внимания на гармонию мира, в котором живём, не различаем в ней самое великое чудо Божественного Творческого могущества и Промысла. В этом, возможно, одна из причин чудесных явлений, что устраивает Господь через своих святых. Блаж. Августин говорил: «Мы видим мир, потому что Бог видит нас». Чудеса св. Патрика, как и многое из преданий кельтской святости, не должны смущать наше сердце и разум.

Пусть сомнение тебя

Никогда не гложет:

То, что было правдой раз

Ложью быть не может.

Станислав Красовицкий

Чудо, входя в мир как прорыв Высшего бытия на мгновение иногда, но восстанавливает истинно прекрасное его состояние. Чудо преодолевает известные законы смерти и закономерности жизни, оно оказывается неподвластным их фатальности и безжалостности. За чудом мы вдруг, словно за поднятым занавесом, обнаруживаем иную, более подлинную действительность. И как те страдания, что будут позднее, есть уже часть нынешнего счастья, так и сегодняшнее чудо является составляющей грядущего великолепия. Молитва, как правило, залог чуда, его условие, тот механизм, с чьей помощью творится новая жизнь. Размышляя о чудесном, мы невольно к нему прикасаемся. Чудо не требует ни объяснений, ни оправданий, оно всегдашнее откровение, а мы свидетели и участники.

А. В. Карташёв справедливо говорил: «Чудесная форма рассказа не должна обострять нашего скепсиса, потому что именно

в отделе чудес в житийной литературе историки и находят наибольшее количество реальных бытовых черт». Кельтская агиография вообще полна мифических компонентов, она излагается языком сказок, легенд, мечтаний. Такой язык не должен обмануть или сбить с толку читателей, но, скорее, он должен служить знаком величия святого и свидетельством того, что каждого святого любил и направлял Сам Господь.

Приближалась Пасха первого года миссии на острове. Св. Патрик решил посетить Тару. Надо заметить, что в древнем ирландском календаре самыми важными праздниками были «белтейн» и «самхейн». Около первого ноября отмечался самхейн (завершение сбора урожая), белтейн приходился на последние апрельские или первые майские дни. Тогда ирландцы выгоняли на общие пастбища скот и зажигали большие ритуальные огни, чтобы оградить животных от болезней. Христианская Пасха могла вполне совпасть с белтейном того года. Не дойдя несколько вёрст до города, св. Патрик поднялся на холм Слейн (Hill of Slane), сложил большой костёр и благословил взметнувшееся пламя. К тому часу наступила ночь и огонь был виден всем, кто жили в долине и в городе, где бы они ни находились. Встревоженный король Лоэгайре немедленно призвал старейшин, советников и друидов к себе в замок. «Что происходит? — воскликнул Лоэгайре. — Кто осмелился совершить это святотатство на моей земле? Найдите и казните его!» Советники и старейшины развели руками и сказали: «Мы не знаем, кто объявился в долине, но немедленно поскачем, чтобы узнать и убить его по твоему слову». «А вы, — обратился король к друидам, — что пророчат звезды и что скажете вы сами?» Верховный друид обвёл глазами зал совета, покачал седой головой и сурово произнёс: «Мой король, тот огонь, что полыхает в долине, был зажжён прежде, чем твой в городе, хотя и этой же ночью. Он никогда не угаснет, если немедленно не потушить его, и превзойдёт все костры наших традиций, потому что человек, давший ему жизнь, принёс с собой и новое царство. Я вижу, оно настолько могущественно, что затмит наше, одолеет тебя, распространится в Ирландии, и все люди навсегда

переселятся в него». Король в полном смятении выбежал из зала совета и, потрясая копьём в сторону далёкого огня, прокричал: «Этому никогда не бывать!» После чего он обратился к собравшимся старейшинам, друидам и жителям Тары: «Слушайте, мы сейчас же отправимся туда и положим конец этому беззаконию, казним святотатца и защитим нашу землю». Поспешно снарядили 27 боевых колесниц, так требовал обычай, лучшие воины собрали оружие. Лозгайре выбрал двух самых искусных друидов Лусетмаила и Лохру и приказал выступать.

Уже светало. Св. Патрик, издалека разглядев мчащиеся колесницы, вышел навстречу. Сердце его было спокойно. Он шёл и читал стихи из 19 псалма: «Иные колесницами, иные конями, а мы именем Господа Бога нашего хвалимся». Св. Патрика тоже заметили. Король приказал остановиться на небольшом расстоянии, чтобы рассмотреть таинственного человека. Друиды строго запретили приветствовать идущего к ним, но, когда св. Патрик приблизился, один из воинов по имени Эркк, сын Даэга, почтительно поднялся, святой благословил его, и Эркк тут же уверовал во Христа (мощи этого воина до сих пор почитаются в городе Слейн). Св. Патрик с почтением обратился к королю и начал проповедь. Она оказалась совсем короткой, потому что в спор вступили друиды, причём тот, которого звали Лохру, даже не утруждал себя подбором слов, говорил дерзко и кощунственно. Св. Патрик молча слушал и смотрел на него, как однажды ап. Петр смотрел на Симона Волхва. Когда же наконец Лохру замолк, св. Патрик поднял к небу руки и воскликнул: «Господи, Всемогущий, Всевластный, пославший меня сюда, пусть этот нечестивец, что порочет Имя Святое Твое, немедленно исчезнет». При этих словах невидимая сила подняла друида вверх, а затем, словно некая нить, что поддерживала его, была решительно перерезана, и Лохру, с грохотом рухнув на землю, рассыпался на части. Король, воины и вся свита, пораженные происшедшим, сначала испугались, но после, впад в еще большую ярость, решили тут же напасть на св. Патрика. И он, видя это, обратился к небу словами 67 псалма: «Да воскреснет Бог, и расточатся враги Его, и да бегут от лица Его ненавидящие Его».

Житие, составленное в Средние века, повествует, что после этих слов на долину пала густая тьма, среди воинов короля возникла паника. Люди, словно обезумев, стали нападать друг на друга. Пока они сражались, сильное землетрясение сцепило оси их колесниц, а от толчка и страха лошади помчались, всё сметая на своей дороге. Только несколько скакунов уцелело, остановившись у горы Мондуирн. В резне же погибло «семь раз по семь человек». Жив остался король, его королева и два ирландца. Они в ужасе смотрели на место кровопролития и на св. Патрика. Затем Лозгайре решился подойти к святому и преклонить перед ним колена. Сделал он это, впрочем, без всякой веры, страшась дальнейших наказаний. И действительно, спустя некоторое время король, боясь и ненавидя, приглашает св. Патрика в условленное место для встречи. Прошёл год. Святой уже не одинок, с ним путешествуют восемь взрослых, недавно обращенных ко Христу мужчин, и один мальчик, и он отправляется вместе с учениками, предварительно помолвившись и благословив каждого из них. Король и свита ждали. Увидев приближающихся людей, сам Лозгайре кроме св. Патрика насчитал восемь мужчин и с ними мальчика. Язычники ликовали в предвкушении расправы, но вдруг на их глазах спутники св. Патрика исчезли, и вместо людей восемь прекрасных оленей вслед за молодым оленёнком ушли в лесную чащу. Мрачный и раздражённый Лозгайре вернулся в город. А на следующий день была Пасха. Но не этот святой праздник собрались в замке праздновать король и друиды. Они пили вино в честь Лусетмаила, того самого друида, что участвовал в первом нападении на св. Патрика, и ему повезло больше, чем разбившемуся Лохру. Пировавшие смеялись, разговаривали, кто-то обсуждал чудо с оленями. В это время в зал через закрытые двери, подобно Спасителю, вошёл св. Патрик и с ним ещё пять человек. Он хотел говорить о Воскресении Христа и любви Его, но никто, кроме поэта Лугира, даже не собирался приветствовать, а тем более, слушать св. Патрика. Ему, впрочем, предложили остаться и преподнесли чашу. Святой, предвидя новое испытание, воспользовался приглашением и сел за стол. Тогда Лусетмаил бесцеремонно

встал, подошел к св. Патрику и на глазах гостей вылил в его чашу какую-то жидкость из своего кубка. Это был вызов. Все в ожидании замерли, а святой, не проронив ни единого слова, осенил крестным знамением потир, и его содержимое превратилось в лёд. После этого он осторожно перевернул чашу, из неё вытекла та самая капля, что влил друид. Поставив потир на стол, св. Патрик вновь наложил крестное знамение, и лёд мгновенно растаял. Это чудо поразило всех в зале, но друид не собирался сдаваться. Он предложил выйти за стены города для продолжения состязаний.

— Что же ты собираешься делать? — спросил его святой, когда они вышли.

— Давай покроем землю снегом, — предложил Лусетмаил.

— Это против воли Божией, — возразил св. Патрик. — Не мы распоряжаемся временами года.

— Как хочешь, а я сделаю так, чтобы снег выпал на долину. Тебе это, видно, не под силу.

И друид принялся за свои магические заклинания. Прошло совсем немного времени и белый свежий снег укрыл долину, да так, что люди по пояс стояли в нём. Собравшиеся были поражены, но св. Патрик остался невозмутимым и сказал: «Хорошо, мы видим снег, а теперь сделай так, чтобы он исчез». Друид нахмурился: «Его можно убрать, но через сутки. Надо подождать».

«Так я и предполагал, — произнёс святой, — у тебя получится делать только зло или пустые фокусы, а к добру ты беспомощен, потому что Господь тебе не помогает». После этих слов св. Патрик благословил долину, и снег немедленно исчез, причём ни дождя, ни грязи, ни ветра при этом не случилось. Те, кто только что замерзал в снегу, восторженно хвалили св. Патрика, а многие и уверовали. В другой раз друид, возможно другой, заставил тьму опуститься на землю. «Прогони её», — предложил святой, но друид не смог. Тогда св. Патрик, совершив молитву, благословил небо, и тьма тотчас исчезла, светило солнце, а король, всё это видевший, сказал: «Возьмите и бросьте свои книги или святыни в воду. Те, что не утонут, мы и будем почитать». Св. Патрик согласился, но друид возразил

королю: «Мой повелитель, я не стану это делать, ведь все знают, что этот человек поклоняется воде как Божеству» (так он понимал таинство Крещения и освящение вод на молебнах).

— Тогда соглашайся на испытание огнем, — ответил король.

— Я готов, — выступил вперед св. Патрик.

— А я нет, — заявил друид, — этот человек в разные годы поклоняется то воде, то огню. Нужно другое испытание.

И св. Патрик, видя хитрость и упорство друида, сам предложил следующее: «Давай сделаем так, раз ты не веришь, что сила Божия, а не моё умение совершает чудеса, пусть один из учеников займёт моё место. Мы построим надвое разделенный глухой дом. Одна половина будет из сырого дерева, а для второй подберем совершенно сухой материал. Я отдам тебе свой плащ, и ты войдешь в сырую часть дома. В сухую отправится мой ученик-христианин, одетый в твою одежду». Друид согласился. Дом был быстро построен и испытание началось. Вместо св. Патрика в сухую половину удалился юноша по имени Бенингнус, как и договаривались в плаще друида, а в сырой части заперли друида. Св. Патрик пел псалмы и молитвы. Зажгли огонь, но пламя, вопреки всем законам природы, поглотило друида, причём плащ святого остался нетронут. Бенингнус, хотя и сидел за сухими стенами, вышел целым и невредимым, лишь одежда друида сгорела. Тогда св. Патрик обратился к королю твёрдым голосом: «Если ты и теперь не поверишь, то тут же умрешь, ибо гнев Божий опустится на твою голову». Король был в смятении, да и вся Тара трепетала, видя удивительные чудеса. Лозгайре собрал всех своих старейшин, советников и сказал им: «Лучше мне принять Христа, чем умереть». В тот же день св. Патрик крестил его и многих других людей Тары. В «Исповеди» он вспомнит: «Я крестил тысячи людей, но разве требовал какой-либо платы? Если так, то я готов вернуть всё, что брал. Когда Господь через меня, недостойного, возводил пресвитеров, просил ли я для себя богатств и чести? Скажите, и я возьму всё, вплоть до цены простых башмаков». Из истории доподлинно известно, что последним в Ирландии языческий праздник Тары справлял король Диармайт сын Кербайла в 560 г.

Другое чудесное событие предание связывает с Армагом, северным городом, который стал для миссии главным центром и любимым домом. В небольшом северном королевстве Аиртхир жил богатый и почтенный землевладелец-язычник Даир. У него и решил св. Патрик попросить землю для строительства церкви.

— Где бы ты хотел получить землю? — спросил его Даир.

— Мне нравится холм, который называют Виллоу Ридж. Если на нём построить храм, то он будет виден отовсюду.

— Разреши, и мы не мешкая начнём работу. — ответил св. Патрик.

Даиру не хотелось отдавать Виллоу Ридж, и он сказал:

— Ты, наверное, хороший человек, но твоя вера и церкви меня не интересуют. Если нужно, то возьми кусок земли в низине и строй, что сочтёшь нужным.

Св. Патрик не стал больше упрашивать землевладельца, а поселился со своими учениками там, где было определено. Прошло некоторое время и то ли с разрешения Даира, то ли самочинно на луг, что находился в низине рядом с жилищем христиан, конюх богача привёл пастись коня (ирландцы очень чтили и любили этих животных, в языческих ритуалах белая лошадь занимала особое священное положение).

Св. Патрик решил вразумить конюха и сказал ему: «Послушай, твой хозяин Даир поступил несправедливо, если приказал пригнать на выпас сюда своего любимца. Эту землю он уже пожертвовал Богу, к чему же осквернять её?» Конюх сделал вид, что ничего не слышит, и надменно молчал. Стусились сумерки, опустился туман. Конюх привязал коня и ушёл домой. Утром, возвратившись, он увидел на лугу мёртвое животное. Ни ран, ни следов побоев на коне не было. В смутении и страхе слуга прибежал к Даиру.

— Мой господин, этот христианин так разгневался на твоего любимца, что убил его.

Даир был поражен и разгневан.

— Что ж, — сказал он, пусть теперь свершится и моё правосудие. Ступай, возьми помощников. Убейте его. Смерть — единственная цена за зло.

Но только он произнёс эти слова, как побледнел, дыхание сбилось, и едва живой Даир упал на пороге своего дома. Засуетились слуги, прибежала жена. Полумёртвого хозяина тщетно пытались привести в чувство. Он не мог шевелиться и почти не дышал. Тогда заплаканная жена воскликнула: «Я знаю, что смерть пришла из-за того, что мы обидели христиан. Отправьтесь скорее кто-нибудь в низину и умолите их о прощении». Два человека поспешили к дому св. Патрика, стали просить святого: «Мы виноваты, наш хозяин сейчас умрёт, его жена в отчаянии и послала к тебе. Дай нам какое-нибудь лекарство, пощади его и нас». Св. Патрик уже знал о всём случившемся. Он вынес слугам сосуд со святой водой и сказал: «Ступайте, но прежде окропите этим коня, там на лугу, а после отнесите воду Даиру». Слуги так в точности и сделали. Лошадь ожила, а её хозяин после нескольких глотков сразу исцелился. Жена теперь плакала от радости, а Даир, ещё недавно видевший смерть, не откладывая отправился к миссионерам. В подарок он принёс св. Патрику великолепную бронзовую чашу и, поклонившись, сказал: «Возьми, теперь это твоя чаша. Ты стойкий и милостивый человек. Великий Бог тебе покровительствует. Ещё я отдаю землю, что понравилась тебе, живи там и строй церковь». Сегодня это город Армаг. О нём св. Патрик много лет спустя скажет:

Армаг — любовь моя,
Деревня в глуши, мой холм дорогой,
Крепость, которая в душе моей.

Армагу предстояло стать главной епископской кафедрой Ирландии, а то место в низине теперь называют «Кладбище мучеников в Армаге». Армагу суждено было пережить множество потрясений, но даже набеги скандинавских викингов не смогли полностью разрушить это сердце ирландского христианства.

Алвин и Бринли Рис в своей книге «Наследие кельтов» (М., 1869. С. 222) поместили рассказ об идоле Кром Кройхе в долине Маг Слехт: «Маг Слехт почему так названа? Вот почему. Стоял там величайший из идолов во всей Ирландии, что назывался Кром Кройх, и вокруг него было двенадцать каменных

идолов. Сам же он был из золота, и почитали его все народы, что захватывали Ирландию до прихода св. Патрика. По обычаю подносили ему первый приплод всякой скотины и первождённых любого семейства. Раз в день самхейна пришёл к Кром Кройху король Ирландии Тигернах сын Фоллаха со множеством мужей и жён Ирландии, дабы почитать его. И простерлись они все перед ним, так что треснули их лбы, переносицы, колени и локти, и погибло там три четверти всех ирландцев. Отсюда и Mag Slecht (Mag Slecht — «долина гибели»). В стихотворной версии к этому рассказу добавлена интересная деталь: двенадцать малых каменных идолов стояли вокруг главного идола группами по три, т.е. был четко выделен центр и отмечены четыре основных направления. Св. Патрик совершил чудо над центральным идолом: «...опрокинул его и повернул вправо, лицом на запад, ибо прежде оно смотрело на юг, т.е. в сторону Тары... Остальные же двенадцать идолов погрузились в землю по макушку».

Ещё одна история связана с уже упоминавшимся «Письмом к Коротикусу», автором которого был св. Патрик. «Солдат Коротикуса из-за злых дел их, — пишет св. Патрик, — я не назову «мои сограждане» или «сограждане святых Рима», но назову их «сограждане демонов». Внушение, которое было сделано этому, потерявшему всякую честь, британскому вождю, успеха не имело. Он продолжал преследовать христиан, и св. Патрик, видя тщетность попыток вразумить преступника, с молитвой обратился к Богу: «Господь мой, если будет Твоя святая воля, прошу, изгони этого безбожника из жизни сей и лиши Твоего Царствия». И вот однажды Коротикус услышал, будто кто-то читает стихи, призывающие его отказаться от трона, и все близкие ему люди стоят рядом, восторженно поддерживая неизвестного барда. Развязка была печальной. Коротикус неожиданно обратился в лисицу, что многие видели, и бежал, навсегда исчезнув, по крайней мере из этого мира.

Кельтская житийная литература сохраняет характерный для религиозного максимализма Средневековья рассказ о двух святых сестрах из Коннахта. Их звали Этна и Феделм. В дни миссионерского служения св. Патрика они жили в местечке

Круахаин, где находилась резиденция языческих вождей Коннахта, и их отцом считался сам король Лоэгайре. Однажды утром светловолосая Этна и огненно-рыжая Феделм отправились умываться к источнику Клебах. Солнце уже восходило, и белый пар поднимался над травами. Девушки миновали лощину и почти подошли к источнику, как вдруг Этна в изумлении замерла. Феделм, догнавшая сестру, еле сдержалась, чтобы не вскрикнуть. Около источника по колено в солнечной дымке тумана стояли люди в белых широких одеяниях. В их руках были дорожные посохи, книги, и они сосредоточенно пели величественный гимн на неизвестном девушкам языке. Удивление сестёр сменилось испугом. «Люди ли это вообще?» — подумала Этна. «Из какого мира они пришли?» — спросила её Феделм. Но в этот миг гимн прервался и навстречу к ним вышел один из незнакомцев. Его высокий посох был самым красивым, с привязанными колокольчиками, издававшими лёгкий звон. «Не смущайтесь, — начал он говорить, — мы такие же кельты, как и вы, только сердца наши теперь принадлежат Единому Богу, как, впрочем, и всё в этом мире. Меня зовут Патрик, а это мои братья-христиане».

Девушки воспитывались друидами и знали о множестве богов, богинь, в том числе и тех, что покровительствуют различным ручьям и источникам. Старшая Этна спросила: «Скажите, кто ваш Бог и где Он живёт? Как можно увидеть или найти Его? Молод Он или стар? Вечен ли, прекрасен ли Он, и сколько людей воспитывали Его Сына?». Исполнившись Св. Духа, просветитель Ирландии ответил: «Бог наш — Бог неба, земли, морей и рек, Бог солнца, луны и светил, Бог высоких гор и зелёных долин, Бог над небом, в небе и под небом. Жилище его в небесах, на земле, в море, и всё обитает с Ним. Он дышит где хочет и оживотворяет мир. Он зажёт свет солнца, луны, затеплил звёзды. Им устроены источники на суше и морских островах. Он имеет Предвечного Сына, который не младше Его, но единосущен Ему. Святой Дух исходит от Отца. Отец, Сын и Св. Дух неразделимы. Они и есть Бог-Троица. Я желал бы соединить вас с Сыном Царя Небесного, ведь вы — дочери царя земного». В один голос девушки воскликнули: «Мы хотим

верить в вашего Бога. Научите, расскажите нам всё, что знаете о Нём и мы останемся с вами». Св. Патрик рассказал им о Христе и Его Благой Вести. Он объяснил смысл Искупления, Голгофской жертвы, Пасхи Спасителя и спросил девушек: «Верите ли теперь, что с водою крещения все грехи будут отпущены и вы родитесь заново для другой жизни?» — «Да!» — воскликнули сестры. «Верите ли вы в жизнь после смерти и в воскресение в день последний?» — «Верим», — был их ответ. «Верите ли вы в единство Церкви?» — «Верим», — сказали Этна и Феделм.

Здесь же, в источнике Клебах, св. Патрик совершил таинство крещения над сестрами и на их головы положили белые покрывала. Но девушкам хотелось ещё большего, и они стали просить св. Патрика: «Мы должны увидеть Господа нашего, нам не терпится, подобно тем разумным девам, о которых ты говорил, войти с Ним на брачный пир». Удивлённый такой горячей верой св. Патрик ответил: «Вы можете сейчас принять Тело Христово, как залог воскресения, но брачный пир состоится только при Его пришествии или за чертой этой жизни», — «Дайте нам таинство Причастия, позвольте нам войти в этот небесный чертог», — вновь просили сестры. Святой причастил их запасными Дарами и, приняв Тело и Кровь Христову, девушки, внезапно просветлев лицами, тихо опустили на траву. Души их устремились к границам иного, высшего мира. Все, кто был свидетелем этих событий, не могли удержать слёз. Сестер положили рядом и накрыли белыми рясами. Весть о смерти королевских дочерей быстро разнеслась по Коннахту. К источнику пришли два брата-друида, воспитавшие девушек, Камлит и Маэл. Они начали обвинять св. Патрика и его Бога в жестокости и несправедливости, но святому удалось успокоить их, а потом уговорить выслушать и его слова. Спор прекратился, и после долгой беседы жрецы-язычники сами уверовали во Христа. Несколько дней продолжалось оплакивание, после чего останки Этны и Феделм были погребены около источника Клебах и сам св. Патрик совершил над ними панихиду. Память святых дев Коннахта совершается 11 января. В католическом соборе Армага находится великолепный витраж,

изображающий обращение этих сестёр. Для христианства раннего Средневековья такая скорая смерть после крещения не воспринималась как трагедия. Повод для слёз и печали был, но перед глазами вечности столь скорый союз с Богом считался благом.

Во многом схожая история излагается в «Житии...», составленном Муирчем. Там рассказывается о дочери одного британского короля, которую звали Монесан. Она искала Бога, а её раздосадованные родители выбивались из сил в поисках жениха для своей взрослой девушки. На все уговоры и предложения Монесан отвечала отказом. Дело доходило даже до побоев и истязаний в холодной воде. Терпеливо всё перенося, девушка спрашивала у матери или няни, знают ли они «Создателя огненного колеса, что освещает землю?». Ей отвечали, что Создатель солнца — это Тот, Чей трон на небесах, и не её дело заботиться о таких вещах, а подчиниться воле старших, выйти замуж. «Я никогда этого не сделаю», — говорила Монесан, — мой Жених ещё не призвал меня».

До родителей однажды дошли слухи о просветителе Ирландии и, почти отчаявшись, они вместе с дочерью отправились на «Зелёный остров». После долгих испытаний и приключений им удалось найти святого. Появление британцев очень удивило св. Патрика. «Что заставило вас пуститься в столь опасную дорогу?» — спросил он при встрече. «Мы бы никогда не покинули свой дом, — сказала мать, — не отважились ступить на эти дикие земли, если бы не наша упрямая дочь. Из-за её безумного желания увидеть Бога мы теперь здесь и просим твоей помощи». Св. Патрик обратился к девушке: «Веришь ли ты в Бога, Который вечен, невидим и вездесущ?» — «Да, верю!» — воскликнула она. «Но как же ты хочешь Его тогда увидеть?» — спросил святой. «Не знаю как, но верю и в то, что это произойдёт», — были слова Монесан. Св. Патрик крестил её во Имя Св. Троицы, и девушка тут же умерла. Её похоронили в этом же месте, а святой предрек, что через двадцать лет тело Монесан Британской будет торжественно перенесено в соседнюю часовню и множество людей начнут приходить в неё для поклонения и молитв.

В многочисленных преданиях о св. Патрике подлинная история тесно переплетается с легендой, но нас интересует и то и другое, т.к. зачастую реальные события наполнены чудесным не меньше, чем в чудесах отражаются истинные. Каждый воскресный день к св. Патрику приходил его ангел-хранитель. Возможно, это был тот самый Виктор, что однажды, когда юноша Патрик потерял стадо, указал, где ему искать пропажу. Он же вывел св. Патрика из шестилетнего плена. Агиографы сообщают, что именно Виктор в одно из посещений святого поставил ногу на скалу (или огромный камень) Скирит, которая находится напротив Сляб Мисс, и мгновенно поднялся на неё. Ангельский след остался запечатлен в камне. Тридцать раз в течение времени рабства Виктор посещал св. Патрика, и это место со временем стало одним из паломнических, где верующие и почитающие память святого получали исцеления и помощь в своих просьбах. Тот же ангел научил св. Патрика молитве. Может быть, после этого события одной из характерных черт кельтского христианства становится своеобразное «освящение земли» через устраивание «стоянок». Ирландцы начинают сооружать высокие каменные кресты, в которые вписан круг, они наносят такие же кресты и на огромные вертикально стоящие камни. Паломники, отправляющиеся к таким «стоянкам» и до сегодняшнего дня, трижды с пением молитв обходят эти видимые знаки победы христианства.

Ещё древние кельты верили в «тонкие места»: географические точки, разбросанные по Ирландии и Британским островам, где человек соприкасается с очень хрупкой границей между прошлым, настоящим и будущим; места, в которых он оказывается каким-то образом в состоянии всего лишь на мгновение войти в более древнюю реальность или переместиться в будущее. Христианство эти идеи преобразило, и «тонкие места» стали местами встречи с Богом. В Кашэле (столица южного королевства Мунстер), согласно преданию, находилась огромная каменная плита, вероятно, имевшая отношение к языческому ритуалу. Когда св. Патрик наступил на эту каменную плиту, из-под неё вылетели тысячи демонов. После чего святой благословил камень и предрек, что, во-первых,

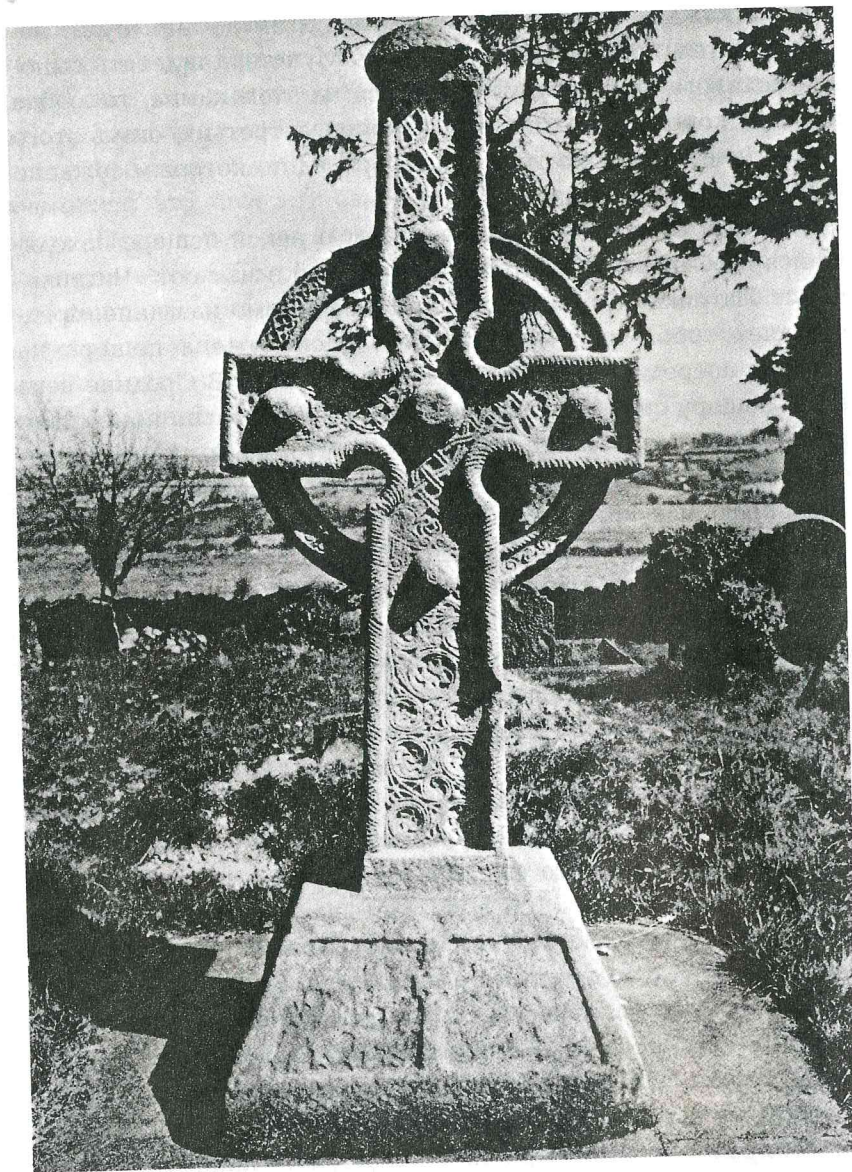
отныне каждый день в час заката над этим камнем будет являться ангел, во-вторых, если король Мунстера и девять сыновей великого вождя будут поститься на этом камне, то любая просьба короля исполнится, и наконец, в-третьих, огонь этого места будет одним из трёх огней Ирландии, которым суждено гореть до конца времён.

Алвин и Бринли Рис рассказывают о некоей пещере находящейся на Севере в Ольстере. В народе её называют «Чистилище св. Патрика» и она, как подсказывает само название, представляет собой вход в иной мир. Расположена пещера на острове посреди Лох-Дерг («Красного озера»). В Средние века в эту пещеру спускались пилигримы и добровольно принимали на себя муки чистилища. Считалось, что, если пилигрим заснёт, дьявол утащит его в ад. Одно из наиболее известных средневековых «Видений» — рассказ о приключениях в этой пещере некоего рыцаря по имени Оуэн, причем этот текст был записан задолго до создания «Божественной комедии» Данте.

Легенда о «Чистилище св. Патрика» была переложена Марией Французской в XII веке латинскими стихами, и впоследствии ею воспользовался Педро Кальдерон, написав одноименную пьесу. В недавнее время вход в пещеру был закрыт, а рядом построена часовня. И по-прежнему из года в год тысячи пеших паломников сходятся к Красному озеру, чтобы провести бессонную ночь в часовне.

Вполне вероятно, что св. Патрик посещал эти места и даже останавливался на Лох-Дерге, но учитывая, что идея «Чистилища» появляется только к X—XI векам, можно убедиться в более позднем составлении этого рассказа.

После битвы племён при Габре один из языческих вождей встретил св. Патрика в Бамберге и принял христианство. Его звали Киран. Он оставил все свои имения, родственников и пошёл за святым проповедовать по острову. В путешествиях он собирал рассказы о давних ирландских днях, записывал легенды о горах, священных реках, озёрах, друидах и королях. Эти рассказы стали книгой «Разговор с древними людьми». Позднее именно ирландские монахи записали многие древние языческие легенды — такие, как «Тэйн Боу Куэйланг».

Южный крест в Эхенни. Графство Типперари, VIII в.

Бережное отношение к языческому прошлому — не разрушение, а разумное преодоление в преображении — стало привычной практикой для Кельтской церкви.

И здесь очень интересно воспоминание из «Исповеди». Когда в ночных кошмарах бесы мучили св. Патрика: «Тогда, — говорит святой, — пришло мне на ум, в мою неразумную голову, воззвать к Гелиасу (Heliam vocagem). И при этом я увидел в небе восходящее солнце. И в то время, когда я взывал к Гелиасу со всей силой моей души, — о, чудо! — благодатный луч Того Солнца коснулся меня». «То солнце» — это Христос Солнце Правды. Комментируя этот эпизод, Н. Дж. Д. Уайт в книге «Св. Патрик, его жизнь и писания» приводит греческое слово helios (солнце) и вспоминает о господстве культа солнца в Римской империи последних десятилетий существования. Но св. Патрик мог и не знать греческого слова «Гелиос» (так думает Д. Фостер), но он знал Евангелие от Матфея: «...тьма была... до часа девятого, а около девятого часа возопил Иисус громким голосом... Некоторые... говорили: Илию зовёт Он (Heliam vocat)» (Мф. 27, 45 — 47). Св. Патрик говорит, что взошло солнце, потому что в Евангелии после этих слов Господа наступила тьма, и далее он объясняет, как мы выше читали, что видимое им солнце было Самим Христом, который пришёл помочь ему, и надеется, что так будет и в последний день его жизни.

Этот фрагмент из «Исповеди» лег в основу красивого, но с исторической точки зрения спорного предания. Предполагается некоторыми авторами, что когда св. Патрик в очередном столкновении с друидами узнал об их поклонении Солнцу, то произнёс следующие знаменитые слова: «Мы тоже верим в Солнце — Солнце Правды — Христа». И приказал перечеркнуть круги, символизировавшие солнце, крестом. Так появился Кельтский крест, или крест св. Патрика, распространившийся по всему северо-западу Европы до России включительно (Новгород, Изборск). Согласно другим версиям, этот символ состоял из непосредственно креста и прикрепленного к нему железными гвоздями жёрнова. Последний размалывает зерно в муку, из которой печётся хлеб, в том числе и хлеб для Евхаристии. Кельтская литургическая практика VII века, как она

известна по «уложению Лорры», была такова, что после освящения даров евхаристический хлеб разламывался на кусочки, которые раскладывались на дискосе в форме креста с произнесением следующих слов: «Мы есть часть Христа с Его Креста, у каждого из нас свой крест, ибо нас объединяет Крест распятого Тела Христова». Археологические же данные указывают на более древнее, возможно дохристианское, использование в орнаментах «Кельтского креста».

Киран, о котором шла речь, впоследствии стал епископом Клонмакниойза и прославился как святой. Уважение к прошлой вере способствовало тому, что некоторые из друидов и бардов («певцов») искренне принимали христианство, видя в нём высшее истинное Откровение, а приняв, становились членами миссии. Так предание говорит о друиде Думбаре, «певце» Фиакке, который впоследствии стал святителем Клонрада, и бывшем язычнике-жреце по имени Бенинг, или Бенен, архиепископе Армага после кончины св. Патрика.

Неудивительно, что в монументальном исследовании, посвященном кельтским народам и особенно истории Пиктской церкви, Арчибальд Скотт пишет: «Пикты, как все кельты, были эмоциональными, романтичными и благородными людьми. В практику христианства они внесли всю унаследованную живость своей расы, в христианском вероучении они строже всего относились к тем пунктам, что и в древних дохристианских верованиях кельтов... Ангелы Писания захватили воображение кельтов». Исторически сложилось так, что, когда кельтская цивилизация достигла своей высшей точки развития, кельты исповедали Христа, а когда государство — образующая сила кельтского народа — угасло, Бог благословил им принять на себя миссионерское служение. И эта ответственность, которая легла на учеников св. Патрика, а спустя сто лет на св. Коламбу, сыграла одну из решающих ролей в истории Европы. В общей сложности почти 30 лет просветитель Ирландии путешествовал по зелёному острову, обращая в христианство его жителей. Он рукополагал священников в новые общины, посвящал епископов к создававшимся епархиям. Многие вожди со своими подданными принимали крещение.

Так как в Ирландии городов в общеевропейском смысле не существовало, церковь св. Патрика быстро приспособилась к племенным порядкам и родовому характеру устройства страны. Ирландские кельты имели обычай отдавать своих детей на воспитание к родственникам, в том числе и довольно дальним. Появились молочные братья, чья преданность и дружба укрепляли клановые связи не хуже кровных. Характерно, что ветхозаветный текст Св. Писания в Ирландии воспринимался с большим интересом и вниманием из-за очень подробного изложения библейских генеалогий и подчёркнуто серьёзного отношения к семейным отношениям. Средневековая Ирландия включала в себя 184 туата, и иногда туат совпадал с кланом, но случалось, что клан занимал территорию двух туатов. Каждый епископ имел епархию, совпадающую по границам с туатом, и это обстоятельство дало со временем своеобразный результат. Епископы получали статус короля туата, приходские священники жили в кланах и больше подчинялись местным обычаям, чем римским правилам. Целибат (безбрачие) среди духовенства не был обязательным, кланы для содержания своих клириков давали немалые участки земли, власть там была привилегией епископа, и подати в пользу вождей с этих земель не брали. Кроме духовенства такие особые права имели практически только *fili* (барды) и *судьи* (брегоны).

В учениях друидов идея правосудия, как предполагается кельтологами, практически отсутствовала. Они имели своеобразное представление о добре и зле, зачастую не стараясь их даже различать. Так что говорить о кельтском правосознании можно с большой осторожностью, если мы смотрим на дохристианское прошлое Ирландии. В 438 г. св. Патрик, чувствуя острую необходимость в установлении единообразия в правосудии, решает создать специальный совет из 9 человек для записи древних правовых положений, которые устно хранили брегоны. Он сам стал членом этого совета вместе с королём Лозгайре из Тары. Позднее, благодаря начинаниям св. Патрика, в Ирландии появится сборник юридических трактатов «Шенхус-мор».

Кроме храмов строились небольшие монастыри, в которые приходили дети из знатных семей, увлечённые духовным

поиском. Всё глубже в леса и горы скрывались друиды. Именно ирландским монастырям суждено было впоследствии сыграть важную роль в истории средневековой Европы.

Кельтское монашество как оригинальное духовное явление появилось благодаря св. Мартину Турскому, занявшему епископскую кафедру в г. Тура в 372 г. Церковь, которую он основал, сыграла большую роль в Галлии, наименьшей римской провинции западной части империи. Монашество, зародившееся на Востоке к концу VI в., стало самой значительной силой и в Ирландии. Св. Патрик в короткие сроки основал в стране монашеское движение. В общественной жизни ирландские монахи имели только одно твердое основание, которым был род или клан. В нём они оседали, глава клана жертвовал земли для монастырских построек. Так создавались нерушимые связи, и даже сан аббата часто передавался по наследству, внутри наиболее богатой и влиятельной семьи. Наместник монастыря, таким образом, не только возглавлял монашескую общину, но становился во главе всей христианской жизни клана. Как правило, он возводился в сан епископа. Для ирландцев и не было особой разницы между аббатом и епископом, даже Папу Римского они именовали «Римским аббатом». Кельтская церковь создавалась как объединение не связанных друг с другом, независимых монашеских церквей. Мы не очень много знаем о раннем времени монашеской истории, но более поздние агиографические данные все же дают возможность реконструировать тот начальный этап. В первое столетие после миссии св. Патрика монастыри были совсем простого устройства. К хижине настоятеля примыкали кельи насельников, и строилась часовня. Келья представляла собой небольшое, сплетённое из веток сооружение, напоминавшее старый улей или иглу (эскимосскую постройку изо льда) — в ней жили один-два инока. Позднее стали возводиться круговые ограждения из камней и земляной насыпи. Церковь строили из дубовых крепких досок, но иногда это была белая мазанка. Отдельно стоял дом для гостей и трапезная. Если монастырь расширялся, то появлялось и здание школы. Пища, книги, церковная утварь, сосуды для алтаря, лодки, лошади — все это и многое другое,

необходимое для жизни обители, добывалось и создавалось самой общиной, в результате монастырские мастерские стали главными центрами ремесел в стране. Любопытно, что по мере роста монастыря монахи вместо того, чтобы строить новую, большую церковь, предпочитали возводить дополнительные часовни или небольшие храмы на той же территории. Св. Беда Достопочтенный пишет, что они были в основном «не из камня, а из обтесанного дуба с тростниковой крышей», и ни один из них, конечно, сохраниться не смог. Даже археологические раскопки ничего не могут нам рассказать. Впрочем, считается, что их вид был почти с точностью воспроизведён в каменных постройках более позднего времени. Эти храмы не имеют архитектурных притязаний, но как замечает Leask: «Они имеют особое значение, так как развивались, в отличие от им подобных в Западной Европе того же времени, в почти полной независимости от римских традиций в строительстве». Согласно известному описанию VII в. (у Cogitosus), церковь Св. Бригиты в Килдарском монастыре была зданием «с множеством окон, разделённым завесами или щитами на три части, украшенным рисунками или драпировками из холста и с дверью изящной работы. Около храма ставили колонну с крестом, или он высекался на больших каменных плитах. Со временем вместо простого креста появляется детально более проработанное и украшенное витиеватым кельтским орнаментом распятие с предстоящими фигурами. Крестному знамени вообще придавалось большое значение, и в этом тоже можно усмотреть православное восточное влияние, тем более, если учитывать, что под напором исламской экспансии многие восточные иноки находили прибежище в западных монастырях. Крестное знамение совершали над бадьей во время дойки, над земельным и ремесленным инструментом, им защищались от демонов, диких животных и морских чудовищ, в которых кельты ещё верили. Большие каменные кресты устанавливались в ознаменование важных событий на кладбищах.

Когда корабли с монахами отправлялись в плавание, мачта и рея сооружались в форме креста и несли этот знак как знамя победы. В одной из гальских песен есть такие слова:

О, Святой Боже Правды,
О, Любящий Боже Милости,
Осени меня крестом от заклятий,
Осени меня крестом от чар,
Сострадающий Боже жизни,
Сохрани меня от пагубной силы чарующих женщин.

Богослужebная практика в ирландских монастырях была тоже более близка к восточному православию, чем к Риму. Устав и внутренние правила скорее напоминали восточную аскезу, чем распространённые на Западе положения св. Бенедикта. Монахи принимали на себя различные подвиги. Можно было увидеть в ручьях и озёрах иноков, которые, стоя по шею в холодной воде часами и даже днями, распевали псалмы и творили молитву. Питались просто. Мясо не ели. Разрешалась рыба в небольших количествах, овощи, хлеб и множество молочных продуктов. В монастыре Св. Коламбы на о. Айона монахи делились на три степени. Старшие иноки должны были совершать службы, переписывать Библию и другие св. тексты. Средний уровень состоял из рабочей братии, которая выполняла множество монастырских послушаний и вела хозяйство. Младшие проходили различного рода обучение, прежде чем им доверяли серьёзные дела. Все были одинаково одеты в длинную белую тунику с капюшоном и кожаные сандалии. На службу облачались в специальные белые рясы. Особого разговора требует кельтская тонзура. Римские монахи остригали только макушку головы, причём так, чтобы оставался круг недлинных волос. Она называлась «тонзурой св. Петра», и ее пытался ввести в Ирландии св. Патрик, в чём не смог преуспеть. Кельтскую тонзуру привёз на континент св. Коламба, и она прожила много лет в Британии, Бретани как символ сопротивления Риму. Св. Беда Достопочтенный в VIII в. раздражённо писал: «Единственные люди, которые настолько глупы, чтобы не соглашаться со всем миром, — шотландцы да их упрямые последователи — пикты и бритты, которые населяют только часть этих двух островов в далёком океане». Римляне считали, что кельтскую тонзуру изобрёл Симон Маг, так как он принадлежал

к сословию друидов, и видели в ней языческие черты. Эта тонзура впечатляла. Монах-кельт выбривал голову в направлении затылка, от уха до уха, вся передняя часть оказывалась обнажённой, а сзади волосы росли практически до плеч.

Монастыри станут европейскими университетами в эпоху варварских нашествий и войн. В них сохраняются латинский, греческий и еврейские языки, там будут сделаны уникальные книги в кожаных переплётах и с изумительной каллиграфической вязью, а самое главное, из этих обитателей отправятся ирландские монахи-миссионеры с проповедью Христа в Европу и далее.

Рихард Хеннинг в своём обширном трёхтомном труде «Неведомые земли» описывает открытие ирландскими отшельниками Гебридских, Шетландских, Фаррерских островов, Исландии и даже достижение ими берегов Америки раньше норманнов. Он пишет: «Охваченные стремлением к уединению, ирландские монахи вынуждены были уходить всё дальше и дальше в неизведанные морские просторы, несмотря на то, что этим религиозным людям был совершенно чужд какой-либо интерес к географии, они тем не менее необычайно способствовали открытию новых неизведанных островов и помогли проложить пути, которые привели к открытию Нового Света». Жизнь св. Патрика очень символична и недаром является одним из источников кельтской святости, частью её основания.

Дон Луи Кугауд замечает: «Древние кельты имели совершенно иное представление о святости, чем мы. Прежде всего, святость была очень привязана к какому-либо месту. Галльский святой не обязательно был ирландским святым, и Римская церковь отказывалась в притязании на святость и галлам, и ирландцам». Как нельзя лучше к церкви св. Патрика подходит слова Блаж. Августина: «Призваны не потому, что святые, но святые, потому что призваны».

В отличие от «красного мученичества» (отдать жизнь за Христа) или «зелёного мученичества» (участвовать в суровой аскезе) кельты посвящали себя «белому мученичеству» (проводя годы вдали от дома и очага в молитве). У них было особое слово «хираэ́тх» для обозначения тоски по дому.

Ирландец так сильно зависел от семьи в своём положении, правах, привилегиях и общем благосостоянии, что когда он искал для себя смирения, когда хотел исполнить слова Христа «возьми крест и иди за мной», то само по себе добровольное изгнание представлялось ему как один из действительно тернистых путей. Монах был должен оставить свой народ, семью и отправиться жить среди чужеземцев. Но чужая земля может разбить человеку сердце, сломать волю, сделать его безумным. В чужой земле легко потеряться, тем более, если ты одинок, беден и полон сомнений. Глубокий духовный смысл «белого мученичества» заключается в том, что не столько миссионерский порыв уводил ирландских монахов сначала на озёра, безлюдные острова вдали от побережья, а после и далее, а в том, что вдохновленные примером св. Патрика они ради Христа становились изгнанниками, оставляя земную родину для Отчизны Небесной. Здесь следует вспомнить и ап. Павла, писавшего: «Итак, умоляю вас, братия, милосердием Божиим, представьте тела ваши в жертву живую, святую, благоугодную Богу, для разумного служения вашего» (Рим. 12, 1).

Можно сказать, что после трудов св. Патрика в Ирландии началась новая история. Кельты прониклись новой идеей, осуществление которой их захватило необычайно сильно. П. Чаадаев очень верно высказал одну христианскую мысль: «Прекрасная вещь — любовь к Отечеству, но есть ещё нечто более прекрасное — это любовь к Истине. Любовь к Отечеству рождает героев, любовь к Истине создаёт мудрецов, благодетелей человечества... не через Родину, а через Истину ведёт путь на небо». И здесь следует продолжить (чего не делает Чаадаев), что «Истина», согласно Евангельскому Откровению, есть сам Христос Спаситель.

Англо-саксонский монах-летописец девятого века Ненний в «Истории бриттов» (сохранился ирландский перевод XI в.) восторженно пишет о просветителе Ирландии (Ибернии): «Святой Патрик в течение сорока лет проповедывал чужестранцам Христово Евангелие, совершал апостольские чудеса, возвращая слепым зрение, а глухим — слух, исцелял прокаженных, изгонял из тел человеческих одержавших их бесов; он воскресил

девять покойников, выкупил на свои средства множество пленников обоего пола, составил триста шестьдесят пять или даже больше молитвословов. Основал столько же, то есть триста шестьдесят пять церквей. Рукоположил триста шестьдесят пять или даже более епископов, в коих обитал Дух Божий. В священнический сан он возвел около трех тысяч человек и обратил в веру Христову и окрестил лишь в области Коннахта двенадцать тысяч; кроме того, в один день Патрик окрестил семерых королей, сыновей короля Амолгита. Сорок дней и сорок ночей постился Патрик на вершине холма Эйле, то есть Круахан Эйле, где, находясь под открытым небом, смиренно обратился к Всевышнему с тремя мольбами о тех ибернцах, которые приняли святую веру. Первая его мольба, как говорят скотты, состояла в том, чтобы всякий, хотя бы подойдя к пределу жизни своей, покался; вторая, чтобы никогда не истребляли их чужестранцы; третья, чтобы никто из ибернцев не дождал до суда Божьего, но ради святого Патрика окончил жизнь за семь лет до этого дня. Патрик благословил народы Ибернии, находясь на том же холме, на который взошел, дабы помолиться за них и узреть плоды своих трудов им на пользу. И слетелись к нему неисчислимые многоцветные птицы, дабы он благословил также и их, и это обозначает, что все святые обоего пола родом из ибернцев в день Страшного суда предстанут ему, своему отцу и наставнику, чтобы последовать за ним на судилище. Позднее в благодной старости он вознесся туда, где ныне вкушает и вовеки будет вкушать безмятежную радость».

Сложно определить, когда именно св. Патрик побывал в Риме. Некоторые исследователи считают, что это произошло в 441 — 443 годах. Путешествие было успешным и весьма плодотворным, но понимать его результаты можно двояко. Если оно действительно было совершено в эти годы, то следует предположить, что в Вечном Городе св. Патрик встречался с Папой Львом I Великим (в православных святцах память его совершается 2 марта н.с.). Св. Лев Великий был человеком широких взглядов и энциклопедических знаний. В.В. Болотов называет его «отдалённым преемником Цицерона и Юлия Цезаря». Он же пишет: «Если мысль о непогрешимости римского

епископа и была вне представления Льва Великого, то на юридической почве всё же даны все прерогативы, какие потом были утверждены на Ватиканском Соборе». Выступая против Илария Арльского, св. Лев сам высказывал следующие мысли:

«1. Так как вся Церковь основана на твердости Петровой, то удаляющийся от этой твердыни ставит себя вне таинственного Тела Христова — Церкви.

2. Кто посягает на авторитет римского епископа и отказывается в повиновении апостольскому престолу, тот не хочет подчиняться блаженному ап. Петру.

3. Кто отвергает власть и первенство ап. Петра, тот ничуть не может уменьшить его достоинства, но надменный духом гордости низвергает самого себя в преисподню».

«Св. Лев заботился пасти паству не одною властью, но и словом Божиим... Значительная часть его писем посвящена устройению благочиния на Западе» (Архиепископ Филарет (Гумилевский). Историческое учение об Отцах Церкви). Безусловно, св. Лев был озабочен расширением и укреплением влияния римского первоиерарха. Но мы помним, что св. Патрик своё образование и возведение в епископский сан получил в Галльской церкви, следовательно, его отношение к Папе Римскому было довольно специфичным. Галлы-христиане, вплоть до св. Льва, даже при наличии папского викариата сохраняли независимость особенно в вопросах устройства и церковной дисциплины. В.В. Болотов приводит любопытный пример: «Между 346 и 444 годами известны восемь случаев низложения епископов галльскими соборами, и, однако же, ни один из пострадавших не апеллировал к папскому престолу... обращение в Рим погубило бы низложенного во мнении его собратий». Возможно, что св. Патрик попал под личное обаяние св. Льва или убедился в преимуществах римского церковного устройства. Объективно, первый епископ острова проделал огромную равно-апостольскую работу и привел ирландцев ко Христу, но противоположное мнение, не оспаривая успех миссии, считает его «наименее кельтским из кельтских святых». Антиримские, т.е. антикатолически настроенные

авторы, уверены, что св. Патрик был более озабочен возвращением в лоно Церкви тех, кто ранее может быть и формально, но был обращен, чем христианизацией язычников. Это очень спорное заявление. Хотя они правы в том, что церковный порядок, введённый св. Патриком, был континентальным и, следовательно, римским по своей сути. Римский престол был признан верховным властителем в вопросах догматики и канонического права. Но с другой стороны, для Ирландии, традиционно разделённой бесконечными ссорами и конфликтами племенных интересов, строгая иерархичность Церкви имела и свои плюсы. Единство народа во Христе, идея надплеменного царства могла сплотить ирландцев.

Безусловно, не Рим почти полностью разрушил Кельтскую церковь, не папство, а викинги в II в. буквально истребили ирландские и валлийские монастыри, погребли целую цивилизацию, которая процветала под их крышами. Хронист говорит, что невозможно передать «всех страданий, который вынес ирландский народ, мужчины и женщины, миряне и священники, малые и старые от этих воинственных и диких язычников». Но ссоры Римской и Кельтской церкви привели к фактическому расколу, возможно, менее серьезному, чем разрыв Рима с Восточной церковью в 1052 г., т.к. он оказал меньше влияния на политику и экономику, но и произошёл также реально. Когда викинги в 1014 г. были изгнаны и порядок относительно восстановлен, монахи вернулись, чтобы поднимать из пепла разрушенное, многие прежние идеи уже забылись за время изгнания, и Рим получил контроль над инакомыслящими. А ещё позднее папство буквально продало Ирландию Плантагенам (1169 – 1170 гг.) при условии, что мятежники будут снова возвращены в ее паству. Когда обсуждают проблему исчезновения кельтов, очень редко ссылаются на Римско-католическую церковь, её попытки уничтожить кельтов политически, её духовные и административные амбиции. И очень любопытно читать современного католика Энтони Дункана, который в своей полемичной работе «Элементы кельтского христианства» говорит буквально следующее: «Кельтская духовность учит нас лучшему пониманию нашей христианской веры, она стоит

значительно ближе к истоку. Всё, что нам следует делать, — позволить, чтобы она нас учила». Под «истоком» Э. Дункан никак не подразумевает римские традиции. Он более вдохновенно смотрит на Восток и даже делает следующее замечание: «Кельтской христианской традиции недостаёт визуального богатства восточного православия, в котором Церкви заполнены иконами святых». Чего Кельтской церкви действительно не хватало, так это крепкого единства для противостояния внешнему давлению.

А это давление, этот римский напор был неминуем, т.к. одной из его причин была кельтская любовь и стремление к свободе, причём в достаточно анархичном её проявлении. Рим, конечно, не мог простить и то, что многое из древнейших традиций, знаний было встроено в систему религиозной практики Кельтской церкви, а не было проклято и отвергнуто. Друидизм потерял своё влияние, но кое-что внешнее из него было преобразовано христианством. Христа иногда ещё называли «мой Друид», а в ирландской поэзии IX века можно найти и следующую песнь:

Я желал бы устроить великий праздник Эля
В честь Царя Царей,
Я бы желал, чтобы Небесный Господин
Выпил этот Эль вечности.
Я бы желал быть в Его милости, что для всех.
Я бы желал, чтобы Иисус всегда был здесь!

Дело в том, что с мифологическим наследием кельтов не всё так гладко обстояло, как с аналогичным наследием эллинского мира, преемником которого стал католический Рим. М. Элиаде по этому поводу замечал: «Для христианства было возможно принять и поглотить это мифологическое прошлое, потому что мифы не были больше обременены живым религиозным смыслом». Кельтская же мифология была живой и довольно яркой, может быть, оттого, что не имела письменной фиксации. С языческим наследием России всё складывалось приблизительно также. И здесь следует сделать небольшое отступление. Как принято считать, в Киевскую Русь христианство

проникло уже в первой половине X в. Из договора князя Игоря с греками (945 г.) мы узнаём, что среди киевских варягов этого времени было много христиан и в самом Киеве стояла церковь в честь св. пророка Илии. Когда Игорь умер, его вдова Ольга около 955 г. приняла христианство восточного образца. Варягами традиционно называли шведов, норвежцев, датчан, т.е. наемников-скандинавов, жителей северо-запада Европы. Появление христианства в Швеции и Дании связано с деятельностью бенедиктинского монаха Ангария (801 — 865 гг.), но его миссия в этих странах была краткой и малоуспешной. Швеция ответила на неё в 831 г. открытой языческой реакцией, а в Дании проповедь Ангария поддержки практически не имела. В 960 г. Харальд I Синезубый принял крещение, и этот год можно считать началом христианизации Дании. Через сорок восемь лет в 1008 г. с дружиной крестился шведский король Олаф Шётконунг, что было началом обращения шведов, которое закончилось только в конце XI в. Если христианство в эти земли приходит из Римской церкви, то с Норвегией дело обстояло совсем иначе. Впервые норвежцев пытался обратить Хокон Добрый (935 — 961 гг.). Он воспитывался в Англии и там принял крещение. В 950-х годах в стране были построены первые храмы и в них служили англо-саксонские священники. Но результаты усилий Хокона Доброго оказались минимальными. Больших успехов добился св. Олаф (1015 — 1028 гг.), хотя говорить о норвежской церкви как о сложившемся организме можно только со времен Олафа Спокойного (1066 — 1093 гг.). Итак, христианизация варягов Римской и англо-саксонской церковью происходит параллельно или позднее, чем византийское крещение Руси, и можно предположить, что упомянутые Игорем варяги, а следовательно Киевская Русь, попали под миссионерское влияние церкви св. Патрика.

Древнее западное православие вообще изучено мало. Авторитет тринадцатитомной «Истории русской церкви» митрополита Макария настойчиво склонял исследователей к «Греческой версии», которая более подкрепляется событиями последующих за св. Ольгой десятилетий, чем реальными фактами того времени. Митрополит Макарий рассуждал следующим

образом: «Если в нашей летописи говорится, что многие варяги, обитавшие в Киеве, были христиане, то кто же докажет, что эти варяги принесли святую веру с собою из своего прежнего отечества, а не приняли её в самом Киеве или Константинополе, где многие из них, служа при дворе императорском, действительно принимали христианство и отсюда приносили его с собою к нам в Киев». Справедливости ради митр. Макарий упоминает «Всеобщую Северную Историю» Шлецера: «Он (Шлецер) говорит, будто первые семена христианства посеяли в России варяги, странствовавшие чрез неё из Скандинавии, и, следовательно, не греки, как мы утверждаем». Но это не более чем «упоминание» чужого мнения учёным-энциклопедистом. Впрочем, в начале XX века про особую роль норманнов (варягов) писал Н. Коробка. Ему встретилась одна любопытная молитва предположительно того времени. В ней кроме святых братьев Кирилла и Мефодия упоминались северо-западные святые: Магнус, Канут, Албан, Олаф и Ватулф. Историки Н. Коробку не поддержали. Норманская версия показалась ещё более фантастичной, чем предположения о римской миссии.

Та версия, которая нас интересует, имеет своих сторонников и исследователей в основном на Западе. У нас она наиболее оригинально представлена в работах о. Стефана Красовицкого, много писавшего о Валаамском монастыре и северо-западной религиозной символике. Несколько наблюдений о. Стефана следует здесь привести. Во-первых, до сих пор неизвестно происхождение названия озера Ладога. Оно могло произойти от финского «Альгоказ» — «волнующееся», или шведского «Ладу-горд» — «усадебя». Но существует кельтское слово «Лландога», означающее «монастырь в заливе», и если происхождение названия озера таково, то тогда (учитывая, что «Лландога» дала название целому племени) начало монастырской жизни следует отодвинуть в глубь веков. Второе, в Ново-Валаамском монастыре (Финляндия) хранится рукопись А. В. Сулукадзева «История Валаамского монастыря», и в ней рассказывается о монахе Сергии, прибывшем на остров из Ирландии или Британии где-то между V и VIII вв. Сергий крестил на Валааме язычника-жреца, носившего кельтское имя Мунго. При крещении он

нарек его в честь святого Кентигерна, и это имя в памяти христиан впоследствии преобразовалось в более привычное — Герман. Так был заложен преподобными Сергием и Германом монастырь на Валааме. Традиционная датировка называет 1329 г. временем основания монастыря (см. еп. Арсений. Летопись церковных событий. СПб., 1880 г. и архим. Игнатий. Краткое жизнеописание русских святых СПб., 1876 г.). Но Сергий и Герман XIV в. могли носить имена в честь своих предшественников. Далее, в конце X века рядом с монастырём «на близлежащем островке» начал свой монашеский подвиг Авраамий Ростовский (Сборник монахини Таисии. Т. 2, с. 251). Если согласиться, что монастырь был основан не позднее IX в., то сомнительным кажется приход монахов из Византии, как думает еп. Арсений, или, тем более, из языческого Новгорода. Вернёмся к св. Герману. До крещения он был жрецом бога Хорса (вариант солярного культа Аполлона), другое имя этого бога — «Даждь-бог». «Даждь-божьи внуки» именовали себя росы в «Слове о полку Игореве», а в древних кельтских и англо-саксонских источниках росов (русов) называют «доги». Племенной состав изначальных росов большинство исследователей определяют как конгломерат балтов, финнов, скандинавов и (в меньшей степени) славян. Прибытие на остров кельтских монахов из Ирландии или Британии становится ещё более объяснимым, так как на Валааме обитали родственные им кельты.

В-третьих, общеизвестно, что при дворе св. князя Владимира до принятия им крещения жил норвежский король св. Олаф Трюгвассон и командовал дружиной Владимира. А. В. Карташёв в «Очерках по истории русской церкви» признаёт: «Нельзя отрицать, что будучи в Гардарике, т. е. на Руси, он (св. Олаф Трюгвассон) мог действительно быть одним из личных миссионеров, повлиявших и непосредственно на Владимира, и через какую-то из его жён». Но св. Олаф Трюгвассон был крещен в Британии и, взойдя на норвежский престол (995 — 999 гг.), именно оттуда привёз священников. «Греческую версию» это обстоятельство не подкрепляет. И ещё раз вспомним, что на Северо-Западе, который следует рассматривать как единую религиозно-культурную область, христианству

*Крест на западной стороне крепости Изборска.
Согласно летописям, в 862 г. три брата-варяга были призваны
на Русь. Рюрик остался в Новгороде, Синеус — на Бело-озере,
Трувор пришел в Изборск.*

пришлось бороться с культом Солнца в его различных вариантах. Практически на всех крестах, начиная от Британии и Скандинавии, кончая Карелией и Новгородской Русью, присутствует круг. Появление кельтских крестов на северо-западе Руси можно, впрочем, объяснить не только непосредственно результатами ирландской миссии, их могли принести и скандинавские купцы или воины — те, что направлялись не на Днепр к Чёрному морю и в Византию, а шли на Восток через Финский залив, Неву к Старой Ладоге, минуя Ладожское озеро. Далее их путь лежал до верховьев Волги или к Арабскому халифату через Каспий. От Ладожского озера еще одна дорога открывалась по Волхову в Новгород (Холмград), откуда добирались уже до Полоцка или двигались к Западной Двине и Волге. В любом случае, это был символ церкви св. Патрика и её евангельской проповеди в этой части Европы. Есть много схожего в том, как Ирландия и Киевская Русь принимали христианство. В Ирландии (как отчасти и у нас) Церковь осторожно видоизменила различные древние языческие праздники. Оймелк стал праздноваться как день св. Бригиты, который, в свою очередь, заменил собой праздник в честь языческой богини с таким же именем. Белтейн (Бельтан), «праздник костров», превратился в день св. Филиппа и св. Джеймса, самхейн (самайн) стал днём Всех Святых. Зимнее солнцестояние (21 декабря) теперь праздник св. Фомы, а в летнее солнцестояние, 21 июня (позже 24 июня), отмечается рождество св. пророка Иоанна Крестителя, в день осеннего равноденствия совершают память св. апостола Матфея. Стирать язычество, как это делают с неудачной надписью, ни св. Патрик, ни его ученики не спешили. Они видели искреннюю кельтскую религиозность, которая была пропитана героическим духом, мистическими переживаниями, и знали, что эту духовную жизнь следует не разрушать, но творчески преобразить, внести в полусумрак священных рощ и пещер свет новой веры, наполнить кельтские светильники новым маслом и тем самым вернуть Богу то, что Ему по праву принадлежит. Всё лучшее, что было в язычестве, приняло кельтское христианство. Это прекрасно выражено в «Благословении на праздник костров — белтейн»:

Благослови, о Троица истины и щедрости,
Меня, жену мою, детей моих,
На благоухающей равнине, средь гор прекрасных,
И всё, что есть в доме моём.
Всех коров, всю птицу, все стада, весь хлеб.
От кануна дня всех святых до кануна праздника костров,
Доброй поступью и смиренным благословением
От моря к морю, к каждому истоку рек,
От волны к волне, к истоку водопада.

Гэльские песни

Долгое время кельтские верования продолжали жить в христианстве особенно в сельских районах, и сейчас для историков ирландское христианство, как ни странно, остаётся одним из источников для изучения древней кельтской религии.

«Сердце Бога в сердце матери», — говорит пословица. Кельтская христианская церковь, благодаря мудрости её святых, стала этой любящей матерью для своего народа, и ее монахи бережно сохраняли кельтское национальное наследие. Их учёность, как бы очевидно скромна она ни была, по сравнению с учёностью более поздней средневековой Европы всё же стояла достаточно высоко для своего времени на Западе, может быть, потому, что ирландцы, внутренне чуждые соблазнам эллинского и римского язычества, глядя на эту уходящую, но ещё живую культуру, не испытывали перед ней религиозного страха, в отличие от континентальных кельтов. Они смело изучали древнюю мудрость и классические языки. Первые кельты достигли Ирландии в Гальштадский период, и говорили они на так называемом «ку-кельтском» языке (гойделик). Раскапывая древние захоронения, антропологи пришли к выводу, что до норманского вторжения на остров кельты имели череп, почти не отличающийся по форме от черепа современного ирландца. В сагах, эпосах и лирических повествованиях, до нас дошедших, древние поэты воспевают голубоглазых героев, имевших золотистые волосы и светлую кожу.

Закрепившись на острове, они удачно проникли с Западного побережья в Британию. Но там их встретили другие кельтские

племена, пришедшие в Латенский период, говорившие на «пикельтском» (бритоник), и им удалось отеснить своих дальних родственников. В результате этих событий языки гойделика можно найти в Ирландии, на острове Мэн, а также в Шотландии (но позднее), языки бритоника в Уэльсе, Корнуэлле и Бретани. Ко времени римских завоеваний популярная, незаписанная мифология кельтов была единственной широко распространённой в Западной Европе. К IV в. в Ирландии было известно алфавитное письмо («огам»). Когда появился св. Патрик, то начал применяться латинский алфавит. Центром письменности (как и в России) стали монастырские школы.

Самые богатые литературные произведения на старом и среднеирландском наречии, которые дожили до наших дней, прошли через кельи переписчиков. Ирландские монастыри в Клонарде, Клонмакнозе, Армаге, Бангоре, Линдисфарне, на Айоне были крупными духовными и интеллектуальными центрами. Много иностранцев приходили учиться в Армаг. Англосакс Алкуин, который принёс оживление в культуру франков, провёл много лет в Клонмакнозе. Галльский епископ Аскальф жил на Лионе у св. Адамнана. Ирландцем по происхождению и воспитанию был «апостол алеманов» св. Галл. В 595 г. вместе с миссией св. Колумбана он приплыл на материк, и в Швейцарии около Штейнаха им был основан знаменитый монастырь Сент-Галлен. Именно ирландские монахи по сути подготовили культурное возрождение эпохи Каролингов. Они же проникли в Моравию ещё до расцвета Велико-моравской державы.

Развивалась и музыкальная культура. Предание говорит, что в миссионерских путешествиях св. Патрик и его спутники часто, прежде чем начать проповедь, собирали народ игрой на инструментах и пением. Судя по резным изображениям, сделанным на камнях и металлических изделиях, наиболее распространённым инструментом была кельтская арфа. Этот небольшой музыкальный инструмент, удерживая одной рукой, ставили на колено, а другой перебирали струны. Музыка сопровождала поэтический рассказ в доме богатых людей. Для простого народа более привычными были свирели, волынки и рога, чьи резные изображения тоже были найдены. Иберния

всегда была музыкальным островом. И видимо, не только пасторальные мотивы звучали здесь, иначе вряд ли в Средние века сложилась бы такая песнь:

Я родом из Ирландии, Ирландии, Ирландии,
 Святой земли Ирландии, Ирландии, Ирландии,
 Пойдём со мной в Ирландию, Ирландию, Ирландию,
 Пойдём со мной в Ирландию, плясать ради Христа!

Одним из величайших открытий кельтского христианства, как считала Нора Чэдвиг, является «степень и значимость индивидуального опыта, интерес и радость от малых вещей и как здорово делиться всем этим с другими». Аскетизм не являлся помехой для дружбы ранних святых. В целом ряде историй св. Патрик и св. Бригита описываются как ближайшие приятели, хотя в действительности они вряд ли вообще встречались (если соотнести традиционные даты их жизни, то св. Бригите должно было быть шесть лет, когда св. Патрик умер). Но для кельтов это обстоятельство большого значения не имело. С их точки зрения, люди с такими качествами и святостью как Патрик и Бригита, без сомнения, должны были быть друзьями — даже если они и жили в разное время.

Вообще же кельтское восприятие времени было таким, что именно сейчас совершается полнота времён, о чём свидетельствует старая ирландская пословица: «Когда Бог сотворил время, Он сотворил его много». Но время конечно, и жизнь человека имеет свой предел, святые не исключение. «Исповедь» заканчивается так: «Я умоляю тех, кто имеет веру, если таковые сподобятся читать эту книгу, которую грешный Патрик, — да! Неуч Патрик, — написал в Ирландии, пусть они не помышляют себе, что я, невежда, от себя сотворил нечто, угодное Богу! Пусть они знают истину: труд сей — дар Божий. И это я должен исповедовать, прежде чем умру». Муирча не случайно сравнивает различные моменты жизни св. Патрика с тем, что переживали Иона, Моисей, Иоанн Креститель. Время, которое Бог отпускает каждому из нас для заботы о вечности, как правило, прерывается внезапно, но в случаях со святыми эти сроки часто оказываются приоткрытыми. Так произошло и со

св. Патриком. Предание говорит, что зная о скорой своей кончине, святой из очередного путешествия поспешил в Армаг, желая умереть в любимом городе. Но по дороге в огненном кусте (как пророку Моисею) ему явился ангел и сказал: «Поверни обратно, Богу угодно, чтобы твоё достоинство, благочестие и ученье были живыми запомнены в Армаге». И св. Патрик взошёл на каменистую вершину горы Кроу. Там сорок дней он провёл в посте и молитвах. Когда настал последний час, святой поднял принесённый тяжёлый колокол и бросил его вниз с молитвой о том, чтобы Христова вера не иссякла в Ирландии. Колокол подхватили ангелы (на самом деле «тяжелые» колокола появились гораздо позднее). Перед самой смертью его благословил и прочитал отходные молитвы епископ Тассахский. Св. Патрик скончался 17 марта 461 г. в один год со св. Львом Великим (это день памяти в католическом календаре). Один из больших валунов на кладбище в Даунпатрике сегодня носит его имя, никто не знает, где точно погребено тело святого. В Армаге и сейчас стоят на двух холмах церкви. Они смотрят друг на друга. Первая из них — ирландская церковь, находится на том самом месте, где был первый монастырь святого, а в другой — римско-католической базилике, располагается одна из самых богатых коллекций кельтского религиозного искусства. Предание говорит, что в течение первой ночи после погребения святого ангелы с песнопениями охраняли свежую могилу, а пришедшие люди уснули. На другой день ангелы исчезли, оставив после себя удивительное благоухание, как бы от сладкого вина и аромат дикого мёда. Ночью уже множество ирландцев, желавшие проститься со св. Патриком, пели псалмы и читали зауспокойные молитвы. А когда спустя много лет над могилой решили возвести храм, то при раскапывании грунта строители были поражены светом, исходящим из захоронения.

Послесловие

История совершается, пишется и переписывается. Человек занимается историей не меньше, чем она им, особенно если это история Церкви. Обращаясь к раннему христианству мы не просто удовлетворяем любопытство, но пытаемся осознать своё собственное религиозное положение и значение Церкви, к которой принадлежим. Интерес, появившийся на Западе к «кельтскому христианству», совершенно неслучаен. Для многих людей Церковь давно превратилась в социальный институт и потеряла свой живой голос. Её служение ограничивается благотворительными проектами, а проповедь малоинтересна. Обращение к раннему христианству вполне логично, ведь ищется не альтернативная, но истинная духовность. Кельтская церковь, какой она была обнаружена значительно более поздними миссиями, распространялась в Шотландии (и среди пиктов, и среди ирландских шотландцев), Уэльсе, Корнуэлле, на западе Англии, Нортумбрии, на о. Мэн и Ирландии. Её можно считать одной из самых древних и созидательных христианских церквей, существовавших с IV по XII в., и не как административное, но как исключительно духовное объединение. Она ближе к православию, чем к Риму, и в этом заключается причина нашего интереса. Её святые известны всему миру, они могут почитаться в России как святые неразделенной Церкви. И прежде всего св. Патрик. Собирая всё то, что легло в основу этой работы, я часто вспоминал строчки из стихотворения У. Йейтса «Ирландии грядущих времен»:

И мир, подъявля свечи звёзд,
Восстал во весь свой стройный рост;
Пусть также в стройной тишине
Растет Ирландия во мне....

И думал, что действительно Ирландия «проросла» в святом Патрике, и он сам, вedomый Богом, словно евангельское зерно, что было брошено в чужую землю и прорастает колосом, оставил вечный след в духовной истории кельтских народов, привёл их ко Христу и до сего дня не оставляет своих молитв за всех людей и многие церкви.

Fr. Alexander Schabanoff's book about St. Patrick, the enlightener of Ireland, does not pretend to be a strictly scientific exploration of a certain period of the Church History. The aim of the book is to acquaint the Russian reader with the legendary life of one of the most famous Christian Saints of the North-West Europe — not as something remote, isolated from or foreign to the present-day Christian world (and Russian Orthodoxy in particular) but as an inherent component of the religious base of the North-West Europe (including vast territories of Russia) — the region which from the very pre-Christian times was the integral multi-lingual and multi-national ethnic complex with very strong religious, economic and cultural interconnections.

The pre-Christian religious pattern of the region was based on the various types of the solar cult, reflected in such relics as the neolithic megalithic constructions (Stonehenge in particular) and neolithic ceramics of the Lake Ladoga region. Accordingly, the process of Christianization of the North-West Europe was marked by shifting from this pagan cults towards the veneration of Christ, our Lord and Saviour, as «the Sun of Truth»). (Certainly, the pagan cults by no means contributed to the Celtic Christianity — as «the New Age» apologists suggest. On the contrary, Christianity pushed heathens back towards the genuine Reality they had abandoned when becoming pagans). That is why various types of the Christian Cross-symbol, typical for the North-West Europe (and the St. Patrick's Cross in particular), are characterized by the combination of the Cross sign with the circle (as a symbol of the sun).

After the establishment of the Celtic Christian Church on the British Isles, many Celtic monks became missionaries in the neighbour heathen countries. Seeking the solitude they often left their homeland and went to the sea in their boats made of twigs covered with skins. And very often they found themselves among the heathens, and being devoted Christians, they did the Christian thing incidentally (that is the missionary work). Thus, according to some recent discoveries, they founded the monastery on the Island of Valaam; and the Valaam Cross is just a modified celtic cross of St. Patrick.

St. Olaf Truggvasson, the king of Norway, who was baptized by the Celtic hermite in Britain, later becomes a close friend of St. Prince Vladimir; and mostly under the influence of St. Kihg Olaf Vladimir became a Christian and baptized the Russian people.

Probably, the heathen tribes, which inhabited the North-West Russia and Celts of the British Isles, were kindred nations, for both of these peoples called themselves Cymri.

So, we see that for the North-West Russia (including Tver, where Fr. Alexander's parish is situated) St. Patrick is not merely a figure of the remote Church History, but the figure directly connected with the type and character of Christianity of the whole North-West Russia.

Rev. Stephan Krassovitsky.

Литература

1. Блок М. Короли-чудотворцы. М, 1998.
2. Болотов В.В. Лекции по истории древней церкви в 3-х т. М, 1994.
3. Викентий монах. Святитель Патрикий, просветитель Ирландии. Православная Русь, №12, 1999.
4. Гальфрид Монмутский. История бриттов. Жизнь Мерлина. М, 1984.
5. Глебов А.Г. Англия в раннее Средневековье. Воронеж, 1998.
6. Грейвс Р. Белая богиня. М, 1999.
7. Егер О. Средние века. СПб, 1997.
8. Жак Ле Гофф. Цивилизация средневекового Запада. М, 1992.
9. История Ирландии. М, 1980.
10. История Средних веков /под ред. С.П. Карпова. М, МГУ, 1998.
11. Калыгин В.П. Язык древнейшей ирландской поэзии. М, 1987.
12. Карсавин Л.П. Культура Средних веков. Киев, 1995.
13. Карсавин Л.П. Монашество в Средние века. М, 1992.
14. Карташев А.В. Очерки по истории русской церкви. М, 1991.
15. Кертман Л.Е. География, история и культура Англии. М, 1968.
16. Макарий (Булгаков). История русской церкви. Т. I, М, 1995.
17. Малицкий Н. Борьба галльской церкви против пап за независимость. М, 1903.
18. Магюшина И.Г. Древнейшая лирика Европы. Т. 1, М, РГГУ, 1999.
19. Мелетинский Е.М. Кельтский эпос //История всемирной литературы. М, 1994. Т. 2, с. 460 – 467.
20. Поснов М.Э. История Христианской Церкви. Брюссель, 1964.
21. Рис А., Рис Б. Наследие кельтов. М, 1999.
22. Филарет (Гумилевский). Историческое учение от отцах Церкви. М, 1996.
23. Широкова Н.С. Кельтские друиды. Л, 1984.
24. Шкунаев С.В. Община и общество западных кельтов. М, 1989.
25. Шкунаев С.В. Преемственность традиции в раннехристианской Ирландии //ВД 1990. №3, с. 34 – 48.
26. Штокмар В.В. История Англии в Средние века. Л, 1973.
27. Ян Филин. Кельтская цивилизация и её наследие. Прага, 1961.
28. G. Herm. The Celts. 4. 1977.
29. В.Е. Dodd, Т.С. Heritage. The Early Christians in Britain. London, 1966.
30. J. Markale. The Celts. Vermont, 1993.
31. M. Palmer, N. Palmer. Sacred Britain. London, 1997.
32. P.В. Ellis The Dmids. Michigan, 1994.
33. J. Foster. They Converted Our Ancestors. London, 1965.
34. Bieler L. The life and Legend of St. Patrick, 1965.
35. N.K. Chadwick. The Age of the Saints in the Early Celtic Church, 1961.
36. Maire and Liam de Paor. Early Christian Ireland. London, 1958.

Прот. А. Шабанов

**Святой Патрик,
епископ и просветитель Ирландии**

ЛР №071479 от 29.07.97 г.

Подписано в печать

Формат 60x90/16. Бумага офсетная.

Печать офсетная. Усл. печ. 4,5 л.

Тираж 2000 экз. Зак.29

Фонд возрождения православной культуры
«Миссия»

170042, г.Тверь, наб. А.Никитина, 38.

Отпечатано в типографии НТП "Фактор"
НТП "Фактор", 170000, г.Тверь, а/я 0605
Тел.: (0822) 42-55-42, 42-54-94